

Мифы «устойчивого развития»*

Глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот?

Владимир Павленко

«Наше глобальное соседство». Доклад и эволюция его положений

О докладе: общие положения

Помимо предисловия сопредседателей Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству И.Карлссона и Ш.Рэмфала, о котором уже говорилось¹, доклад включает 7 глав. Шесть из них являются содержательными и одна – резюмирующая предложения комиссии по вопросам глобального управления, формирования новой системы ценностей, безопасности (значи-

тельное место отведено миростроительству), экономики и экологии, реформы ООН и системы международного права.

«...После 1945 г. мир во многом изменился, – отмечают авторы. – Одним из аспектов ...стало формирование международного гражданского общества, что ...предполагает реформирование ООН и других международных институтов»² (курс. – Авт.).

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: глобальный план Римского клуба, «Наше глобальное соседство», документы ООН, глобализация, глобальное управление, «устойчивое развитие», окружающая среда, глобальные налоги.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. №№ 9, 10

Что в целом необходимо сказать об этом весьма объемном (под 400 стр.) документе – чтобы прояснить его исходный замысел?

1. «Устойчивое развитие» – квинтэссенция, которая не только «красной нитью» проходит через весь доклад, но и с помощью глобализации, представленной якобы «объективным процессом», увязывается с идеей и концепцией глобального управления.

2. Указывается на основные движущие силы глобально-управленческого процесса – крупный частный бизнес в лице транснациональных корпораций (ТНК) и «глобального гражданского общества». Показывается взаимосвязь и соподчиненность по отношению к глобальному управлению таких категорий, как «демократия» и «рынок» – «инструментов» политического и экономического управления, и «окружающая среда» как ресурса «устойчивого развития».

3. Сама «окружающая среда» рассматривается через призму поэтапного установления глобального контроля над природными ресурсами, для чего вводятся понятия «мировые ресурсы» и «глобальное общее достояние», и указывается динамика их взаимоотношений.

4. Поднимается и пропагандируется тема «глобальных налогов».

5. Вносятся предложения по предлагаемой реформе ООН, которые почти дублируют появившиеся годом позже инициативы Социалистического интернационала (Социнтерна).

6. Предлагаемая авторами доклада методология основана на излюбленном глобалистском приеме. Представляя происходящие перемены якобы естественным, «объективным» ходом дел, они предлагают продолжить движение в этом же направлении, но уже в управляемом режиме. Разумеется ради

«минимизации издержек» и под руководством именно тех, кто эти предложения и выдвигает. Именно так Гитлер, как помним, обосновывал необходимость перехода от «игры свободных сил» к «господству высшего разума».

Причем, стоит подобной комбинации удасться – как в случае с «устойчивым развитием», то сразу же начинает обнаруживаться непомерный рост масштабов предполагаемых угроз вопреки уже предпринятым для их предотвращения действиям. Грубо говоря, каждый рубль, затраченный на реализацию тех самых мер, в необходимости которых так долго убеждали мировое сообщество, в итоге приносит новых проблем – если верить тем, кто убеждал – как минимум на десять рублей. При этом решение этих проблем должно контролироваться и даже руководиться именно ими. Все это облекается в форму интернационализации проблемы, осуществляющей под лозунгом «многосторонности». Причем интернационализируется максимальное количество подобных проблем под предлогом их якобы «объективного» характера. На наш взгляд, это – не что иное, как типичный «наперсточный» прием.

Вот как оценивает общий замысел «устойчивого развития» аналитик из США И.Лебедева:

«Пока российская дипломатия концентрировала внимание на расширении НАТО, инициаторы «Повестки-XXI» спланировали открытие второго фронта, выдвинув на передний план в деле трансформации миропорядка «миротворческую» ООН в отличие от «силовой» НАТО, но имея в виду не ослабление НАТО, а усиление ООН... Принятие этой программы планируется осуществлять поэтапно на международных форумах с участием умопомрачительного числа глав государств и одновременно представить переход к «глобальному управлению» как единодушную инициативу, идущую снизу.

Значительная часть работы ...уже про-делана. Сейчас отрабатывается механизм функционирования так называемой «соци-альной сети» (*social network*), сочетающей передовые коммуникационные технологии и ультрасовременную методику организа-ции массовых глобальных акций. При ООН аккредитовано более двух тысяч НПО «бы-строго развертывания», как правило, финансируемых правительствами. Одну из первых таких «НПО» с амбициозным на-званием «Фонд Объединенных Наций» организовал в 1998 г. телемагнат Тед Тер-нер.

По данным канадского исследователя Нейла Раба, в 1998 г. начальный оборот организации составил 125,4 млн. долл., а с добавлением разного рода грантов разбух до 227,7 млн. Так что, когда вы смотрите по CNN сбирающе оголтелых «антиглобали-стов», не удивляйтесь, что в преддверии Лондонского саммита (саммит «Группы двадцати», состоявшийся в конце марта 2009 г. – Авт.) знакомый вам по прошлым передачам п...ст в зеленом парике уже не раздает народу, как раньше, презервативы (это тоже входит в «Повестку-XXI»), а

объясняет свое участие в акции желанием «бороться с глобальным потеплением»³.

Далее. В докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972 г.) констатиро-валась возможность достижения этих «пределов» лишь в отдаленной перспективе «следующего столетия». А в докладе «Наше глобальное соседство» (далее – «НГС», 1995 г.) то есть уже после того, как «целостность глобаль-ной системы окружающей среды и разви-тия» была признана Конферен-цией ООН в Рио-де-Жанейро, об «ис-тощении невосполнимых природных ре-сурсов и загрязнении окружающей среды» говорится уже как о свершив-шемся факте, не дожидаясь следующе-го века².

Понятно, что эта игра началась не сейчас и, стало быть, ее предыдущие этапы также были управляемыми. Как помним, «теплеть» на планете стало уже после появления теории «глобаль-ного потепления».

О глобализации и глобальном управлении

В центр глобализации как процесса авторами доклада «НГС» ставится раз-мывание государственных суверените-тов.

«...Государственный сектор сузился, и служение государству утратило свой возвышенный и исключительный смысл. ...В идее децентрализованного (сетевого – Авт.) и демократического руководства не следует искать противоречий. ...Его источ-ником в гораздо большей степени стано-вится солидарность, а не власть. Деятель-ность его чаще всего основана на убеж-дении, сотрудничестве и согласии, а не на принуждении и приказе»² (курс. – Авт.).

Прежде всего, отметим, что безаль-тернативность «децентрализованного» руководства не подтверждается даль-нейшими положениями доклада, в ко-тором говорится и о возможности

«централизованного» принятия реше-ний, и о «центральной роли ООН», и т.д. Затем подчеркнем выделенный еще в первой части статьи принцип «пози-тивной мотивации» («убеждение, со-трудничество, согласие»), на котором строится предлагаемое авторами «де-мократическое руководство»⁴.

Теперь о главном. В соответствии с принципом противопоставления «тира-нии» «демократическим правам и сво-бодам», который был сформулирован У.Черчиллем в Фултонской речи, док-лад провозглашает мобилизацию на «крестовый поход» против прави-тельств и других государственных ин-ститутов практически всех обществен-ных сил. Авторы ставят перед собой очевидную цель: дискредитировать ин-ститут государства посредством фор-мирования негативного общественного

отношения к представляющим его правительствам.

Первыми в ряду сил, противостоящих правительствам, авторами названы НПО, выдаваемые за основу «гражданского общества». Ряд положений доклада вообще поднимают НПО до уровня, позволяющего им фактически «замещать» государства, требуя от последних стать «добропорядочным глобальными гражданами», то есть (*sic!*) «представителями организаций глобального гражданского общества». По мнению авторов, государства, превратившиеся в полпредов НПО, «должны быть готовы работать совместно и обеспечивать руководство ...на всех международных форумах...», в частности при разработке предложений по реформе ООН², то есть вносить элементы организации в проамериканское «агрессивно-послушное большинство».

Государствам противопоставляются этнические, региональные и местные меньшинства, выраженные ими групповые интересы, и новые формы народного представительства – «децентрализованные», встроенные в глобальную сеть*. Унифицированная совокупность этих форм, образующая «глобальное гражданское общество» создает вводимое авторами новое понятие – «глобальная община», которая тесно увязывается с регионализмом. «Между миром национальных государств и глобальной общиной лежит целая область различных проявлений регионализма. ...Броские успехи регионализма в Европе, а затем и в Северной, и Южной Америке вдохновляют всех, кто стремится к миру без гра-

ниц»². Не забудем о плане «еврорегионализации», который осуществляется Советом Европы и Социнтерном и который, как мы установили, близок к СС-овскому проекту «Европейской Конфедерации».

По мнению авторов доклада, кроме НПО, государствам противостоит частный сектор, ключевое место в котором ими отводится крупнейшим ТНК. Правительствам ставится в вину период мировых войн XX в., когда «лидеры мирового бизнеса превратились в государственных чиновников, на которых воюющие государства возлагали управление военными и гражданскими поставками»⁷. (Отметим, что на этих поставках они всякий раз очень неплохо зарабатывали).

Поскольку «...глобализация достигла такой степени, что ...определить национальную принадлежность отрасли невозможно», правительствам предписывается устанавливать с частной сферой отношения партнерства в целях (*sic!*) «поощрения вклада негосударственных участников в эффективное глобальное управление»². В этих целях «НГС» особо отмечает роль Совета бизнесменов, послужившего основой выведенного на уровень ООН Глобального договора².

В том, что дело не столько в пропаганде социальной ответственности бизнеса, сколько в стремлении допустить его к рычагам политической власти, убеждает следующий фрагмент. «Некоторые из ТНК, – говорится с явным намеком на структуры, подобные корпорации *RAND*, – находятся на передовом рубеже научно-исследовательских

* Например. «...Любая международная организация вполне может проявить интерес к локальной проблеме, если, ...Всемирный банк профинансирует ...проект в некой отдельной стране. Любая местная добровольная ассоциация также легко может стать участником одной из международных систем управления и сотрудничества»² (выступив агентом финансирования – Авт.).

работ «будущего», разрабатывая долгосрочные глобальные сценарии и оценивая их последствия». Высокая оценкадается вкладу бизнеса в подготовку Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.)².

Кстати, о глобальных сценариях, появление которых, как следует из сказанного, является продуктом институтов, ставящих целью «приватизацию государства», что соответствует прозвучавшему в 1999 г. «пророчеству» Д.Рокфеллера о предстоящей замене государственной власти правительства частной властью крупного бизнеса⁵.

Авторами «НГС» рассматриваются три таких сценария:

«Оптимистический сценарий будущего представляет нынешний уровень насилия как феномен переходного периода. ...Существует вероятность, что Земной шар ...станет местом более мирным и безопасным, как только оправится от потрясений, вызванных внезапным окончанием ходной войны.

Другой сценарий предполагает раскол мира ...на процветающую и безопасную часть, которая будет включать ...большинство стран Западной и Центральной Европы, Восточную Азию и Северную Америку, и значительно большую часть, состоящую из нищих и яростно конфликтующих между собой территорий...

По третьему сценарию весь мир будет охвачен растущим насилием, и обширные его зоны станут неуправляемыми...»² (курс. – Авт.).

Итак, условия миру предъявлены. Либо подчинение глобализации с дальнейшей эрозией суверенитетов, либо масштабные потрясения, которые, наряду с «развивающимся» миром, затронут и «развитый» – весь или нелояльную его часть. Именно эти социально-политические технологии, как мы убедились⁴, отрабатываются Институтом в Санта-Фе (США) в рамках озвучен-

ной С.Манном «эксплуатации критичности». Но тогда получается, что «критичность» не только «эксплуатируется», но и создается. Ибо вопреки усилиям по преодолению нищеты и бедности, к которым призывают мировое общество авторы доклада, критичность в их сценариях раньше проявляется именно в той части мира, на помощь которой эти усилия предлагают сосредоточить.

Вот что отмечал по этому поводу известный системный аналитик, заместитель директора Института прикладной математики РАН Г.Г.Малинецкий (2006 г.):

«Хаос дает удивительные возможности. Например, если мы знаем, что система находится ...в точке бифуркации, то малые воздействия на нее могут иметь очень большие последствия. *В точке бифуркации у системы есть несколько путей развития. ...И вот здесь наши малые воздействия могут сыграть ключевую роль.*

...Лет 15 назад мне довелось беседовать со своим коллегой из Института сложностей в Санта-Фе... Я задал ему вопрос: «Какими проблемами вы занимаетесь?».

– Вы знаете, мы строим сценарии дестабилизации обстановки в Югославии. Крайне сложная и интересная задача. Мы предполагаем задействовать Интернет, различные социальные механизмы. Должно получиться очень здорово»⁶ (курс. – Авт.).

Это и есть модель «управляемого хаоса», экспорт которой в незападный мир, по мнению С.Манна, требует *содействия либеральной демократии, поддержки рыночных реформ, повышения жизненных стандартов у населения, особенно у элиты, вытеснение ценностей и идеологий*⁷ (курс. – Авт.).

Иначе говоря, получается, что все в руках самих сценаристов. В противном случае, почему в первую очередь «зоны стабильности» второго из рассмотрен-

ных авторами сценариев исключается евразийское постсоветское пространство?

Вряд ли случайно в «НГС» также не рассматривается четвертый, вполне очевидный сценарий – возобновление «жесткой» или «гибкой» bipolarной или многополярной конкуренции, что предусматривается хорошо известными типологиями международных систем, разработанными такими авторитетными западными учеными как М.Николсон и М.Каплан? Причина проста и понятна: такие модели⁸, несмотря на доказанную научность, по чисто идеологическим мотивам неприемлемы для заказчиков доклада и поэтому игнорируются его авторами.

В дополнение ко всему государствам, наконец, противопоставляется молодежь, а следом за ней, ни много – ни мало, – и все люди, а также сама планета*.

«Мы считаем, что ...молодежь более восприимчива..., нежели их правительства...

...Концепцию глобальной безопасности следует расширить, перестав ...делать упор на безопасности государств с тем, чтобы она охватывала безопасность людей и безопасность планеты.

...Идея государственного суверенитета ...служила предлогом для создания мощных национальных вооруженных сил, оправданием бюджетной политики, ставящей оборону выше целей благосостояния, и стимулом для жесткого ограничения гражданских прав и свобод. ...Правители использовали суверенитет как щит против международной критики и ...во имя суверенитета лишали своих граждан свободного и беспрепятственного доступа к внешнему миру»².

Авторы доклада подтверждают актуальность рассматривавшегося в первой части статьи⁴ наследия Римского клуба и предлагают увязать эрозию суверенитета с «окружающей средой» и «устойчивым развитием» («безопасность планеты»), с разоружением и миротворчеством («миростроительство»), а также с демократией и «правами человека». При этом заодно поощрить деструктивную оппозицию и под предлогом «свободного и беспрепятственного доступа граждан к внешнему миру» стимулировать ее превращение в «пятую колонну», работающую на подрыв суверенитета.

Небезынтересно, что технология противопоставления народа правительству уходит корнями отнюдь не в большевистский лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». Современное обоснование – geopolитическое, а не классовое – эта технология получила как раз на англо-саксонском Западе.

«Не может вызывать сомнение, – говорится в датированном концом мая 1917 г. совместном меморандуме Э.Хауса и Э.Друммонда** на имя главы британского МИД А.Бальфура, – что попытка противопоставления германского народа его правительству, сколь бесполезной она ни казалась в то время, способствовала в конечном итоге ослаблению моральной стойкости Германии...»⁹.

А разве не таким же образом в конце XX века поступили с СССР?

И не продолжается ли эта политика в отношении властей Российской Федерации?

* Противопоставление созданных человеком институтов планете напрямую отправляет нас к соответствующим футурологическим сюжетам, например, к «Неукротимой планете» Г.Гариссона, недавно экранизированной Дж.Кэмероном в фильме «Аватар».

** Полковник Э.М.Хаус – основатель американского Совета по международным отношениям (СМО), советник президента США В.Вильсона и один из архитекторов Версальского миропорядка; сэр Э.Друммонд – первый генеральный секретарь Лиги Наций.

«Философское» обоснование идеи противопоставления народа государству нашел Г.Уэллс, предложивший учредить «новую историю» – как историю не государств, а «объденного человека», отбросив для этого письменные источники и сосредоточившись исключительно на фактах. Назвать такую науку он предложил (*sic!*) «человеческой экологией» или «социальной биологией»¹⁰.

Отметим также, что, помимо НПО, этнических, региональных и местных интересов и глобальной олигархии, правительствам противопоставляется еще и выдвигаемая авторами доклада концепция международного права.

По их мнению, оно «...включает комплекс правовых норм и принципов, которые применяются в отношениях между государствами, а также в отношениях государств с прочими субъектами, в том числе с глобальным гражданским обществом и международными организациями².

Что тут скажешь?

Мало того, что равноправным «субъектом международного права» признается «глобальное гражданское общество», коим само оно как неформленная абстракция являться не может, а могут лишь отдельные его институты. Так еще и подтверждается исключительно односторонняя англосаксонская трактовка источников права – в русле Статута Международного суда, в котором любой юрист легко усмотрит доминирование прецедентного принципа, отнюдь не являющегося общепринятым, а любой политолог – коньюнктурно-политизированную и опять-таки одностороннюю интерпретацию категории «цивилизация»*.

Словом ясно, что «генеральная линия» доклада не только поощряет эро-

зию государств, но и ускоряет ее, в том числе за счет управления этим процессом, который только на первый взгляд выглядит «объективным».

Подчеркнем также мнение авторов, что в условиях глобализации против правительства играют не только все остальные элементы политической системы, но и контекст, в который эта система помещена.

«Достижения техники сделали национальные границы более прозрачными. Государства сохраняют суверенитет, но власть правительства подтачивается. Они все менее способны контролировать движение денег или информации через свои границы.

...Глобальные потоки денег, образов, идей, а также угроз перехлестнули старую систему национальных преград, которая оберегала государственную автономию и власть.

...Следует определить формальный статус того, что можно назвать корпоративным банкротством, подразумевающим, что государство (*sic!*) *дает согласие, чтобы управление его делами на какое-то время перешло к представителям международного сообщества; жизнь в этом государстве начинается заново, с чистой страницы*² (курс. – Авт.).

Представим себе Россию после дефолта 1998 г. под внешним управлением и оценим вероятные последствия «начала жизни в стране с чистой страницы». Так вот откуда взялось чуть не ставшее реальностью «второе явление» в 1998 г. В.С.Черномырдина с его аргентинским экономическим «гуру» Д.Кавальо, которого впоследствии на родине привлекли к уголовной ответственности.

Отметим, что к экономическим аспектам десуверенизации авторами

* Кроме западнического видения ее «ходом от варварства», существует сформулированное еще Н.Я.Данилевским представление о цивилизации как «культурно-историческом типе»².

«НГС» через некоторое время добавляются идеологические («образы, идеи») и геополитические («угрозы»). Подчеркнем также, что различные фрагменты общей картины, якобы доказывающие «нестабильность» государств, распределены по тексту доклада таким образом, чтобы не демонстрировать деструктивные намерения слишком уж явно.

Авторы безусловно знакомы с политической технологией, разработанной тем же полковником Хаусом. «...Если по внешнему виду на них (конференциях – Авт.) все идет как будто само собою, – учил своих последователей Хаус, – то в действительности там ничего не предоставлено слушаю.

Положения вносятся разными организациями (или, как в нашем эпизоде, помещаются в разных местах доклада – Авт.), а к концу оказывается, что они так пригнаны одно к другому, что получается нужный узор мозаики...»⁹.

После этого, наконец, подводят к долгожданному выводу:

«...Статьи Устава ООН, касающиеся обеспечения мира и безопасности, были составлены применительно к войнам между государствами и не предусматривали возможного вмешательства ООН во внутренние дела суверенных государств. Однако теперь общественное мнение оказывает на ООН давление в тех случаях, когда раздоры и столкновения внутри стран ведут к тягчайшим страданиям или (*sic!*) угрожают безопасности соседних государств.

...Становится все труднее отделить ...внутренние дела нации от ...имеющих последствия для других государств, а значит, и определить легитимные пределы суверенной власти. ...Ничто не подчеркивает первостепенность этой проблемы с такой силой, как вопрос о гуманитарном вмешательстве (то есть о «миростроительстве» – Авт.)»² (курс. – Авт.).

Поскольку комментировать здесь нечего – ввиду предельной ясности

сказанного, попытаемся выяснить, что же нам предлагается взамен суверенитета?

«В течение последнего десятилетия произошли два события, которые вынудили мир пересмотреть проблему самоопределения – ...распад Советского Союза и Югославии.

Обе страны были многонациональными федерациями, удерживаемыми воедино железной рукой центральных правительств...

...Государствам следует признать, что в определенных сферах суверенитет должен осуществляться **коллективно**, особенно в отношении общего достояния...»² (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, представление о допустимости, приемлемости и позитивности иностранного вмешательства во внутренние дела распространяется на геополитическую сферу: суверенитету отныне предписывается стать «коллективным». Именно в этом положении следует искать корни трагедий Афганистана и Ирака, а также двадцатилетнего распада Югославии, включая эпизоды с Боснией и Косово. Случайно ли, например, что вмешательство авиации НАТО в боснийский конфликт, приведший к подписанию Дейтонских мирных соглашений (1995 г.), совпало с появлением «НГС»?

Во-вторых, авторы доклада прямо поощряют центробежные тенденции в России, которая, несмотря на распад СССР, остается «многонациональной федерацией».

В-третьих, опять-таки явно в связи с Россией вводится новое, следующее после «глобальной общиной» важное понятие – «общее достояние» (далее – «глобальное общее достояние»), которое относится уже к природным ресурсам. Удержим это в памяти до перехода непосредственно к этой теме.

Теперь зададимся вопросом: что же практически предпринимается против

суворенитетов, и как этот процесс развивается?

В марте 2000 г., незадолго до Саммита тысячелетия, на базе ЮНЕСКО – как одной из структур ООН – был открыт процесс подписания Инициативы «Хартии Земли». Работа над этим проектом протекала параллельно подготовке «НГС», но с его обнародованием не закончилась. «Хартия» провозглашает себя «глобальной конституцией» и требует «фундаментальных перемен в ...системе ценностей, институтах...», включая создание «устойчивого образа жизни на всех уровнях: локальном, национальном, региональном и глобальном» и «нового устойчивого глобального общества...»¹¹.

Инициатива «Хартии», поддержанная правительством Нидерландов (не забудем о нацистском прошлом отца королевы Беатрикс принце Б. де Липпе), принадлежала генсеку Конференции ООН в Рио-де-Жанейро М.Стронгу и президенту «Международного зеленого креста» М.С.Горбачеву. Организационная структура включила Комиссию «Хартии», Руководящий комитет, Международный секретариат, сеть координационных советов и партнерских организаций, а также «тысячи отдельных лиц»¹².

Перед нами – многоуровневая система горизонтальных сетей с управляющими центрами, которые контролируются Западом. Чем это угрожает России можно убедиться на таком примере, как присоединение в 2001 г. к «Хартии» Государственного совета (парламента) Республики Татарстан.

Откуда корни этого плана?

Похоже из проекта «Открытый заговор» того же Г.Уэллса (1928 г.), который предлагал многое, в том числе «игнорировать правительства, трансформируя заговор в орган управления»¹³.

А теперь сопоставим «Хартию» и «Открытый заговор» с документами Римского клуба. Выясняется, что целенаправленная дискредитация национально-государственных институтов как якобы безответственных, неспособных к совершенствованию, не обладающих суворенной компетенцией решения внутренних задач из-за определяющего значения внешних факторов клубом осуществлялась уже давно. В рамках этих разработок, в частности, предлагалось:

– создать «систему связанных, но географически разбросанных центров принятия социально ответственных решений, действующих на всех уровнях человеческой организации» (А.Печчеи, 1969 г.). Ясно, что «Хартия Земли» – ядро именно такой системы;

– преобразовать существующие институты в «горизонтальные агентства» корпоративного, национального и регионального уровней (Э.Ласло, 1977 г.), то есть в управляющие центры организационной структуры «Хартии»;

– сформировать глобальное управление, основанное идеологически на передаче ...международных функций наднациональным неправительственным органам, а организационно – на системе координационных институтов, действующих «от имени народов, а не элит и бюрократий» (А.Кинг, Б.Шнайдер, 1990 г.)¹⁴. Это конечный замысел «Хартии».

Ну что, будем и дальше, вслед за Горбачевым, убеждать себя и окружающих, что глобализация и размытие суворенитетов – процесс, который пошел сам собой?

В «объективность» этого процесса тем временем не поверили даже авторы Декларации тысячелетия (2000 г.), через пять лет после появления «НГС» утверждавшие, что «глобализация мо-

жет обрести ...всеохватывающий и справедливый характер лишь посредством широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего...»¹⁵ (курс. – Авт.).

А вот выдержки из последующих документов – Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию (2002 г.) и Итогового документа только что завершившегося Всемирного саммита в Нью-Йорке (сентябрь 2010 г.):

Йоханнесбург – «Мы заявляем о нашей приверженности строительству гуманного, справедливого и заботливо-го глобального общества...»¹⁶.

Нью-Йорк – «Мы признаем, что сегодня ...рамки внутригосударственной политики, особенно в областях инвестиций и промышленного развития, зачастую определяются рамками международных принципов, обязательств и соображений глобальных рынков. Каждое правительство должно само сопоставить выгоды от принятия международных правил и обязательств с ограничениями, налагаемыми сужением стратегического пространства»³¹ и т.д. (курс. – Авт.).

Итак, глобализацией не только предполагается управлять, но это уже делается. Причем в постоянно растущих масштабах с помощью мер, принимаемых не только в экономике, но и в сферах окружающей среды, политики и т.д. Кроме того, «каждому правительству» настоятельно рекомендуется подумать о последствиях отказа от следования в фарватере упомянутого «глобального плана» А.Печчини.

Переходя к глобальному управлению, заметим, что в России и на Западе имеется немало ученых, не верящих в необратимость глобализации, доказывающих, что в преддверие Первой мировой войны уровень «глобализации» если и был меньше современной, то

незначительно. Кроме того, все более широкую популярность, в том числе на международном уровне, приобретает теория кризиса, разработчик которой российский экономист М.Л.Хазин указывает на виртуальный характер экономической и, следовательно, политической глобализации ввиду ее отчужденности от реального сектора экономики:

«В 2001 году автор ... провел расчет американской экономики по данным межотраслевого баланса за 1998 год, целью которого было найти сектора..., получающие "дополнительный", то есть не имеющий источника в рамках межотраслевого кругооборота ресурсов, источник. Было обнаружено, что сектор "новой" экономики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, "выдает" обратно в экономику всего около 15%»¹⁸.

Поскольку трудно предположить, что эти данные были неизвестны тем, кто готовил доклад Генерального секретаря ООН Саммиту тысячелетия (2000 г.), в котором информационная глобализация охарактеризована позитивно трактуемым термином «цифровая революция»¹⁹, то остается предположить, что главный объект этого управляемого процесса все-таки не экономика, а политика. Кстати, спустя восемь лет, в Дохийской декларации термин «цифровая революция» был преобразован в противоположную по смыслу «цифровую пропасть». Но только применительно к развивающимся странам и (*sic!*) странам с переходной экономикой, то есть к субъектам бывшего СССР²⁰.

В чьих интересах предлагается эта политика?

«Управление и сотрудничество (глобальное – Авт.) есть совокупность многих

способов, с помощью которых отдельные лица и организации как государственные, так и частные, ведут свои общие дела. Это непрерывный процесс сглаживания противоречий интересов, их различий в целях осуществления совместных действий. Такой процесс включает всю систему правления и официальные институты, призванные обеспечивать уступчивость, согласие и существующие **неофициальные договоренности между отдельными лицами и организациями, которые отвечают их интересам**² (курс. – Авт.).

Итак, во-первых, управление без обиняков именуется согласованием государственных интересов с частными, а отнюдь не общественными. Во-вторых, это согласование зиждется не на транспарентном демократическом процессе, в том числе электоральном, а на неких «неофициальных договоренностях», которые, надо полагать, заключаются в обход народов и в которые посвящены лишь голосующие в ООН их «представители». В-третьих, роль официальных институтов, если верить докладу, заключается не в службе общественным интересам, а в «сглаживании противоречий» между «неофициальными» фигурантами.

Корни здесь однозначно масонские, что подтверждается тезисом А.Гизе (в 1985–1996 гг. – Великий Мастер Великой ложи Австрии) о важности лож для воспитания консенсуса в условиях буржуазной конкуренции²¹.

«В некоторых случаях глобальное управление будет полагаться ...на рынки и рыночные инструменты, возможно, под неким институциональным надзором. ...Значение и роль регулирования, правового обеспечения и централизованного принятия решений будут варьироваться. В соответствующих случаях могут найти применение и такие принципы как субсидиарность, когда решения принимаются как можно ближе к тому уровню, на котором

они могут быть выполнены более эффективно.

...Концепция субсидиарности, вокруг которой сейчас идут ожесточенные споры в Европе, обеспечивает основу для эффективного распределения обязанностей между институтами глобального, регионального, национального и местного управления.

...Для осуществления деятельности и проведения политики на соответствующих уровнях должна существовать согласованная глобальная структура. Необходима также многогранная стратегия глобального управления и сотрудничества.

Это подразумевает реформирование и упрочение существующей системы межправительственных институтов, совершенствование их методов сотрудничества с частными и независимыми группами...

...В большой степени управление может и фактически неформально уже осуществляться через такие объединения, как «Большая семерка» (G7), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)...

...Следует также упомянуть ряд субъектов функциональных специализированных институтов – Международный союз электросвязи (МСЭ), Международную морскую организацию (ИМО), Банк международных расчетов (БМР) и Парижский клуб (государств-кредиторов – Авт.).

...*Вот так постепенно, без шумихи и помпы, создается система глобального управления и сотрудничества*² (курс. – Авт.).

Что следует из этой замысловатой мозаики, составленной опять-таки из разбросанных по тексту доклада отрывков?

Во-первых, в центре, несомненно, стоит признание, что глобальное управление уже осуществляется. С помощью «Большой семерки», которая сегодня, как известно, передала управленческие функции «Группе двадцати» (G20), созданной, в свою очередь, на базе институтов, в центре которых на-

ходится «десятка» (*G10*) государств-учредителей базельского БМР*.

В этот же глобально-управленческий «пуль» включаются и «функциональные» (отраслевые) международные организации. Поэтому не стоит удивляться систематическому зажиму на Западе лучших образцов российской техники, а также унификации «под Запад» отечественных образовательных стандартов.

Во-вторых, за исключением темы эрозии государств, «НГС» раскрывает содержание глобализации слабо и невнятно, ограничиваясь констатацией перераспределения в послевоенный период динамики и центров мирового развития. Однако этот недостаток с лихвой компенсируется последующими документами.

Так, в докладе Саммита тысячелетия генсек ООН К. Анан осторожно, но твердо протягивает линию от экономического измерения глобализации к политическому:

«...Глобализация стала возможной благодаря постепенной ликвидации барьеров, препятствовавших торговле и движению капитала, а также благодаря основополагающим техническим достижениям... Ее объединительная логика кажется неумолимой, а ее движущая сила непреодолимой...

Всеохватная глобализация должна быть обеспечена благодаря, прежде всего, мощной движущей силе рынка, однако одних лишь рыночных сил для этого недостаточно...

Глобализация не виновна в неравенстве, она просто усиливает разрыв...

...Глобализация должна означать нечто большее, нежели создание более обширных рынков. Деятельность в эконо-

мической сфере нельзя отделить от более сложной структуры социальной и политической жизни...»² (курс. – Авт.).

Как видим, авторы доклада, продекларировав экономическое («рыночное») происхождение глобализации, затем плавно и без лишнего шума переходят к глобальному управлению, демонстрируя готовность внедрить его в «структурь социальной и политической жизни».

Констатируя ту роль, которая отводится в этих планах либерализации торговли, обратимся к двум последующим документам ООН – «Монтеррейскому консенсусу» и Дохийской декларации, которые были приняты международными конференциями по финансированию развития в Мексике (март 2002 г.) и Катаре (декабрь 2008 г.).

Так, в Мексике говорилось, что «либерализация торговли является важным элементом стратегии той или иной страны в области обеспечения устойчивого развития»²².

Теперь Катар: «Мы подчеркиваем, что для получения максимальных выгод от либерализации международной торговли и сведения к минимуму сопряженных с ней издержек требуется проведение на всех уровнях согласованной политики, ориентированной на развитие. ...Мы должны и дальше принимать меры к тому, чтобы эти соглашения способствовали долгосрочному развитию и достижению целей ВТО... Важно также, чтобы приоритеты и потребности стран-получателей помочь ...были в полной мере отражены в их национальных стратегиях развития. Специализированные учреждения ООН, имею-

* Добавим, что БМР был создан еще в 1930 г. для финансирования гитлеровского Третьего рейха. По окончании Второй мировой войны американцы попытались исключить его из мировой финансовой системы под предлогом заключения Бреттон-Вудских соглашений. Но не тут-то было: правительству США, несмотря на половину производившегося этой страной в 1944–1945 г. мирового ВВП, кто-то жестко указал на место. БМР не только сохранился, но и стал одним из ключевых глобальных финансовых институтов, фактически пережив в этом качестве саму Бреттон-Вудскую систему.

щие соответствующий мандат..., должны продолжать оказывать помощь развивающимся странам в укреплении производственного потенциала их экспортных секторов»²⁰ (курс. – Авт.).

Итак: ВТО формирует долгосрочные цели и задачи, которые обеспечиваются «проведением на всех уровнях согласованной политики», а получатели помощи создают под это «национальные стратегии», по которым отчитываются перед «имеющими мандат учреждениями ООН». И, разумеется, все это происходит исключительно добровольно и суверенно!

В-третьих, глобальное управление опирается на «согласованную глобальную структуру» и осуществляется в рамках «многогранной стратегии» принятия решений в диапазоне от централизованного до сетевого и субсидиарного. Сам принцип субсидиарности, объединяющий уровни глобального, регионального, национального и местного управления, свидетельствует о многоуровневом характере формируемых сетей. В том, что в них вовлекаются самые разные акторы, которые вследствие этого начинают ориентироваться не на государственные, а на транснациональные и глобальные центры принятия решений, мы убедились на примере «Хартии Земли».

Констатация европейских споров вокруг концепции субсидиарности подтверждает роль регионализма как одного из элементов «глобального плана» Римского клуба и, следовательно, устанавливает его связь с упомянутыми планами высшего командования СС по интернационалистской трансформации нацизма. Сегодня эта роль возложена на Совет Европы и другие европейские институты.

«Формальным организационным структурам зачастую может недоставать широты охвата, скорости и ин-

формационного потенциала, позволяющих не отставать от быстро меняющейся глобальной повестки дня, – возвращаемся мы к докладу генсека ООН Саммиту тысячелетия. – Поэтому мобилизация навыков и иных ресурсов различных глобальных действующих сил может все в большей степени быть сопряжена с формированием нежестких и непостоянных глобальных сетей по вопросам политики, которые *не признают национальных, институциональных и секторальных границ*¹⁹ (курс. – Авт.).

Вряд ли нужно комментировать, что такое «глобальные сети по вопросам политики», которые «не признают никаких границ».

В-четвертых, глобальное управление не стоит на месте, а развивается путем «реформирования и упрочения существующей системы межправительственных институтов». В этом логическом ряду находятся и предложение авторов «НГС» создать параллельно Совету Безопасности ООН Совет экономической безопасности (СЭБ), и рассмотренное нами раздвоение системы Всемирных саммитов, и создание институтов постконфликтного урегулирования в лице Комиссии ООН по миростроительству, и, конечно же, вся проблематика «устойчивого развития», включая гуманитарную и разоружеческую сферы.

В-пятых, в докладе признается существование (sic!) «частных и независимых групп», влиятельность которых такова, что *к сотрудничеству с ними предлагается адаптировать уже не государства и правительства, а «межправительственные институты» самой ООН* (курс. – Авт.). Ясно, что ни о чем другом, кроме глобальной финансовой олигархии, речь здесь не идет.

Итак, подведем краткие итоги той части «НГС», которая посвящена

глобализации и глобальному управлению.

Первое. В докладе четко прописан их генеральный тренд: от государств к негосударственным структурам – общественным и частным, а от экономических аспектов – к политическим и geopolитическим. Разумеется, все это упаковано в благозвучные рамки «борьбы с нищетой» и «экономической взаимозависимости». От них ниточка тянется к преодолению национальных и государственных границ и далее – к эрозии сначала отдельных суверенитетов, затем суверенитета как принципа, что выводит авторов на некую «согласованную глобальную структуру», основу которой составляет «реформированная и упроченная система межправительственных институтов» при «центральной роли ООН».

В таком виде глобальное управление предстает системой, находящейся под патронатом не только ООН, но и глобальной финансовой олигархии, что указывает на глобальное управление как не только систему, но и концепцию. Субъектами этой концепции оказываются не народы, а «лица и организации», имеющие «общие корпоративные интересы», противоречия которых сглаживаются «неофициальными договоренностями», заключающимися за спиной у народов.

Второе. Глобальное управление имеет формы, причем институциональные, и осуществляется в рамках многоуровневой системы с помощью централизованного, сетевого и субсидиарного способов принятия решений.

Доклад «НГС» дает однозначный ответ на вопрос о том, чей опыт при этом действует:

– «Исторически глобальное управление осуществлялось в отсутствие глобальных институтов. XIX в. стал периодом углубления интеграционных про-

цессов и беспрецедентного расширения торговли, движения инвестиций и миграции людей. Некое подобие накопления опыта управления во всемирном масштабе частично осуществлялось через управление доминионами со стороны империй, особенно Британской»²;

– чтобы устраниТЬ институциональный недостаток глобального управления, «...еще в начальный период войны (Второй мировой – Авт.) американские и английские представители принялись за разработку планов создания международных институтов...»² (курс. – Авт.).

Третье. Система глобального управления функционирует на основе базового принципа «право против своеволия – экономического, политического и военного». Сам принцип права, которому придается международный, то есть общебязательный статус, отражает сугубо ангlosаксонский подход и трактуется авторами доклада с односторонней, тенденциозной точки зрения. Видимость законности ей придается ссылкой на действовавший на момент написания «НГС» Статут Международного суда (в редакции 1945 г.).

Четвертое. Глобальное управление увязывается с «устойчивым развитием», в которое включаются «экономический рост» (неиндустриальный, то есть не выходящий за рамки установленных Римским клубом «пределов роста»), «социальное развитие» (декларативная «борьба с нищетой»), а также «окружающая среда». Утверждается «необходимость единых глобальных подходов к решению упомянутых проблем и подчинения во всемирном масштабе дисциплине устойчивого развития...»². Если «устойчивое развитие» предполагает дисциплину, то, значит, не могут не существовать и дисциплинарные меры ответственности.

Декларативность и конъюнктурность этих тезисов доказывается встре-

чающимися в соответствующих текстах противоречиями и откровенными казусами.

Так, в Дохийской декларации (2008 г.) приветствуется «повышение темпов роста в большинстве развивающихся стран и сокращение масштабов нищеты в мире». А буквально через два года, в Итоговом документе Всемирного саммита в Нью-Йорке (2010 г.) констатируется, что «в период с 2007 по 2009 гг. вновь расширились масштабы голода и недоедания...»⁴⁵.

Возникают вопросы. Кризис ударили больше всего не по развивающимся, а по развитым странам. В 2008 г. – по США; в 2009 г. – по Европе. Откуда тогда рост масштабов «голода и недоедания»?

Имеется ли принципиальная разница между положением бедствующих стран в 2007 и 2009 гг., или это плод пропагандистских усилий адептов «устойчивого развития»? Или все проще, и с началом кризиса чиновники ООН просто не удосужились выправить подготовленный заранее документ?

То же самое случилось с оценками состояния озонового слоя – в 1997 и 2000 гг.

В резолюции XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН («Программа действий по дальнейше-

му осуществлению “Повестки дня на ХХI век”») использование слова «устойчивый» вообще в ряде случаев приобретает анекдотический характер. Создается впечатление, что берутся все рассматриваемые проблемы подряд, буквально по списку и к ним для пущей важности прикрепляется это слово: «устойчивый образ жизни», «устойчивый туризм», «устойчивое использование энергии» и даже «признание роли женщин» в «сохранении биологического разнообразия (!) и обеспечения устойчивого использования природных ресурсов»²⁴.

Видимо, словосочетанию «устойчивое развитие», подобно рекламе, придается некий кодовый смысл, с помощью которого оказывается зомбирующее воздействие на индивидуальное и общественное сознание.

Пятое. Противопоставление государству людей и планеты в целом, встроенное в концепцию эрозии суверенитета, обеспечивает расширение проблематики «устойчивого развития» за рамки экологии («окружающей среды»), включая в нее такие важнейшие императивы глобального управления как «демократия» и «права человека», обобщением которых служит так называемая «глобальная гражданская этика».

«Глобальная гражданская этика». Ценности и принципы «глобального гражданского общества»

Процитируем вновь «Наше глобальное соседство...»:

«...Глобальное управление и сотрудничество охватывают самый разнообразный круг участников – людей, официально или неофициально действующих в общинах и странах, внутри различных сфер и вне их, в НПО и гражданских движениях, на национальном и международном уровнях, которые как раз и составляют глобальное гражданское общество. И имен-

но через людей исполняют свои роли и другие действующие лица – государства и правительства..., регионы и официальные и неофициальные объединения...»² (курс. – Авт.).

Опять те же самые «люди» и «организации» («объединения»), которые действуют «официально и неофициально». И, как помним, в «корпоративных» интересах, а не в интересах народов. Причем, заключая «неофициаль-

ные договоренности» и являясь буквально вездесущими, находящимися «внутри различных сфер и вне их». И вся эта кипучая деятельность осуществляется под демагогическим лозунгом «Мы, народы...».

Некая секретность или, по крайней мере, недосказанность (а разве нет?) буквально пронизывает весь доклад, составляя важнейшую, причем глобальную политическую установку.

Кто такие «эти люди» и «эти организации»?

Масонские ложи?

Устроенные по масонской организации «советы», «клубы» и «комиссии»?

Рассредоточенные «субсидиарные» центры принятия решений?

Конкретные специализированные учреждения ООН?

А может быть это международная бюрократия в целом – ООН или ведущих региональных организаций, например, того же НАТО?

Или глобальные ТНК, ВТО, Парижский или Лондонский клубы кредиторов?

Мировые финансовые институты: от Группы Всемирного банка до МВФ и других структур «华盛顿ского консенсуса» и далее до Базельского клуба и Банка международных расчетов?

Институционально неоформленные интересы глобальной финансовой олигархии?

Все они вместе?

Выдвинем гипотезу: сочетание «люди и организации» является синонимом другого, также упоминавшегося сочетания – «частные и независимые группы», «согласовывать противоречия» между которыми понуждаются предварительно адаптированные к этой задаче «официальные институты», то есть «люди и организации» – это, на наш взгляд, синоним глобальной финансовой олигархии, а также отражаю-

щих ее интересы институтов, которые совместно прикрываются лозунгом «глобального гражданского общества». Из этого следуют два вывода:

Первый из них констатирует вовлеченность в систему глобального управления институциональных элементов «глобального гражданского общества», которыми фактически подменяется само это «общество».

«Идея о том, что люди разделяют общие интересы независимо от национальной и иной принадлежности и что они организованно объединяются, неизврая на границы, обретает для глобального управления все более важное значение»².

Поскольку «глобальное гражданское общество» отождествляется с многочисленными НПО, обращает внимание выведенный в докладе спектр их дифференциации – по уровням и функциям.

«НПО отличаются разнообразием и многогранностью. Их планы и действия могут носить локальный, национальный, региональный или глобальный характер. Некоторые ...ориентированы на решение определенных проблем и задач, другие функционируют на идеологической основе; некоторые ставят ...перспективы, представляющие широкий общественный интерес, другие сосредоточены на более частных и узких вопросах. Состав их разнится от немногочисленных и располагающих скучными средствами групп рядовых граждан до крупных и щедро финансируемых объединений, укомплектованных профессиональным штатом. Некоторые действуют в одиночку; другие создали сети для обмена информацией, согласования задач и усиления своего влияния»².

И второе. Имея намерение опереться на «глобальное гражданское общество», глобальная олигархия не ограничивается пусть многоуровневой, но разрозненной структурой, а стремится объединить НПО, используя для этого

институт, организационную структуры и механизмы ООН.

«Назрел момент, – читаем в докладе, – …для создания глобального форума, который может возглавить деятельность в экономической, социальной и экологической областях»².

Двуединая формула этого подхода в докладе выглядит следующим образом: «Во-первых, не только предусмотреть место элементам гражданского общества в реформированной системе ООН, но и содействовать их практическому участию в ней.

Во-вторых, признать важность роли, которую гражданское общество будет играть за пределами ООН»².

Совокупность этих элементов в документе представлена следующим образом: «НПО, глобальный деловой сектор, постоянно меняющаяся, эволюционирующая Ассамблея людей, а также право подачи петиций»².

Подробности этого плана будут изложены в завершающей части статьи – в главе о реформе ООН.

Пока лишь констатируем, что в качестве конечной цели в «НГС» было заявлено создание «Форума гражданского общества», участники которого делегируются «аккредитованными» НПО². Первая проба сил, как помним, состоялась в рамках подготовки к Саммиту тысячелетия, в июне 2000 г. в форме Форума тысячелетия. В дальнейшем форумы «гражданского общества» созывались для сопровождения различных конференций ООН, например, в рамках Дохийского раунда переговоров по ВТО.

«В записке, озаглавленной «Реформа ООН: меры и предложения: Ассамблея тысячелетия, система ООН (Специальная комиссия) и Форум тысячелетия» (A/52/850), Генеральный секретарь выразил мнение, что, если ООН суждено продолжать играть жизненно важную роль в предстоящем столетии, настоятельно необходимо, чтобы она использовала творческие воз-

можности населения мира и заручилась его поддержкой. Поэтому он предложил, чтобы НПО и другие институты гражданского общества провели в связи с Ассамблеей тысячелетия Форум тысячелетия»² (курс. – Авт.).

Общее представительство на Форуме тысячелетия: свыше 1 тыс. НПО из более 100 стран. Теперь о предложенных «глобальному гражданскому обществу» ценностях и принципах.

«В нашем быстро меняющемся мире нормы и ограничения, диктуемые общепринятыми ценностями, обретают …жизненно важное значение. Без них будет трудно – а то и невозможно – создать более эффективные и легитимные формы глобального управления.

…Мы призываем продемонстрировать общую приверженность ключевым ценностям, которым могло бы следовать все человечество: **уважение права на жизнь, свободы, справедливости и равенства, взаимное уважение, забота и честность**»² (курс. – Авт.).

Отметим в цитате, что «общепринятым ценностям», к которым так любят апеллировать поборники «демократии» и «прав человека», авторами доклада отводится лишь прикладная, второстепенная роль – обеспечения легитимации глобального управления. Но демократия – инструмент не только глобального управления, но и развития; ресурсом же последнего является «окружающая среда». Тогда становится ясно, что глобальное управление и «развитие» (разумеется, «устойчивое») – это понятия-синонимы²⁶. Что их соединяет? В политической сфере – не что иное как «демократия», а в экономической, как мы убедимся ниже, – «рынок».

При этом разделение глобального управления на «устойчивое развитие» и «миростроительство» – как экономический и политический аспекты – весьма условно: в его рамках «мирострои-

тельству», также как и всем остальным элементам этой системы, надлежит быть «устойчивым».

Повторим: доклад «НГС» не является официальным документом ООН, поэтому обратимся к Итоговому документу Всемирного саммита 2005 г. Из него следует, что «главы государств и правительства...» подтверждают веру в цели и принципы ООН, Декларацию тысячелетия и «общие ценности, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав человека, уважение к природе». Подтверждается и обязательство «поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств и уважения их территориальной целостности и политической независимости», и т.д. (курс. – Авт.).

А дальше начинается само интересное: расшифровка того, как эти «общие ценности» понимаются:

....7. Мы считаем, что сегодня в большей мере, чем когда-либо, мы живем в глобальном и взаимозависимом мире. **Ни одно государство не может держаться абсолютно особняком.** Мы признаем, что коллективная безопасность зависит от эффективного сотрудничества в соответствии с международным правом в борьбе с транснациональными угрозами.

8. Мы признаем, что происходящие сейчас события и сложившиеся на данный момент обстоятельства требуют, чтобы мы в срочном порядке достигли консенсуса в отношении основных угроз и вызовов. Мы обязуемся воплотить этот консенсус в конкретные действия, включая ликвидацию коренных причин таких угроз и вызовов со всей решительностью и непреклонностью.

...10. Мы признаем, что развитие само по себе является центральной целью и что устойчивое развитие ...представляет собой один из ключевых элементов в деятельности всей системы ООН.

11. Мы признаем, что утверждение принципов благого правления и верховен-

ства права на национальном и международном уровнях имеет важнейшее значение для обеспечения поступательного экономического роста, устойчивого развития и искоренения нищеты и голода²⁷ (курс. – Авт.).

Итак, угрозы и вызовы, как следует из этой цитаты, только транснациональные; национальных, следовательно, нет и быть не может. Кроме того, эти угрозы и вызовы требуют консенсуса, причем, в «срочном порядке». Данный консенсус призван решительно «ликвидировать» транснациональные угрозы и вызовы, причем любые. Не говорится, например, о том, что не будут «ликвидироваться» государства, которые собираются осуществлять собственные проекты, исходя из своего понимания угроз и вызовов, и поэтому сами станут для адептов «устойчивого развития» «угрозой». «Устойчивое развитие» – вообще ключевая идеологема системы ООН, а принципиальное значение для него имеют «принципы благого правления» (уже не «управления», а именно «правления» – мелочей в таких документах не бывает) и т.д.

Ну, и никто, разумеется, не может «держаться особняком» – достанут везде.

Все как в старом советском анекдоте:

- Простите, имею ли я право?..
- Имеете!
- А могу ли я?..
- Нет, не можете!

Все это побуждает обратить внимание на то, каким именно образом трактуются ценности, названные авторами «НГС» «общепринятыми», то есть «общечеловеческими». Прежде всего, отметим, что провозглашается одинаковость этих «ценностей» для «всех субъектов – государственных и частных, коллективных и индивидуальных», а также их включение в систему международных норм, «касающихся

суверенитета и самоопределения», «в соответствии с меняющимися реалиями»², то есть имеет место развитие предпринятой Уэллсом попытки обесценить историю государств и народов.

«Общие ценности составляют фундамент для превращения глобального добрососедства на основе самого широкого экономического обмена и всемирной системы коммуникаций (sic!) во всеобщее духовное сообщество... Эти ценности ...проистекают из принципа, который согласуется со всеми известными миру религиозными учениями... Именно это главное требование было отражено в содержащемся в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека заявлении о признании "достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их..."»².

Что такое «всеобщее духовное сообщество», если не призыв к созданию де-факто, по существу той самой «единой мировой религии», о которой возвещал Уэллс?

И как быть с теми положениями доклада, которые являются неприемлемыми для традиционных монотеистических религий? Например, с «недопустимостью дискриминации по признаку сексуальной ориентации» или с признанием «основой духовного» сближения» «широкого экономического обмена и всемирной системы коммуникаций»?

И случайно ли изыскания авторов «НГС» получили поддержку общины Бахаи-веры?

Движемся дальше. «...Реалии нарождающейся глобальной общине требуют, чтобы мы в дополнение к упрочению вышеупомянутых ценностей выработали глобальную этику, обязательную для всех сторон, вовлеченных в международные отношения»².

И чуть ниже. «Мы надеемся, — пишут авторы «НГС», — что с течением времени эти принципы будут включены в международный документ, носящий более обязательный характер — в глобальный Устав

гражданского общества, и обеспечивающий основу для всеобщего согласия относительно правил, которыми должна руководствоваться глобальная община»² (курс. – Авт.).

Отметим, что с этого места наметилось не только постепенное преобразование «ценностей» добрососедства в «принципы глобальной гражданской этики», но и приданье этим принципам «уставного» характера.

Поэтому перечислим эти принципы, снабдив их соответствующими авторскими комментариями (курс. в скобках):

Права:

– жизнь в безопасных условиях (в условиях предлагаемого глобального разоружения «безопасные условия» могут быть обеспечены только «мировой армией» и «мировой полицией»);

– одинаковое обращение (что это как не заявка на «новый тоталитаризм»: свободный человек свободен в поступках, а не подвергается «обращению»; отсюда прямая ассоциация то ли с оруэлловским «скотным двором», только глобальным, то ли с «глобальным человеком» А.А.Зиновьева);

– возможность зарабатывать и обеспечивать свое благосостояние (не ликвидация ли государственных социальных гарантий здесь подразумевается?);

– собственное своеобразие «мирными средствами» (коль скоро речь идет о своеобразии «меньшинств», в том числе сексуальных, то это положение предполагает подрыв традиционных представлений о морали и нравственности);

– участие в управлении на всех уровнях (многоуровневый, сетевой характер унифицированной глобальной власти — в духе концепции «нового кочевничества» или «номадизма» Ж.Аттали);

– свободная подача петиций об устранении несправедливости (выглядит как приглашение к внешнему «гуманитарному» вмешательству по наводке изнутри — как в Боснии и Косово);

– одинаковый доступ к информации (**невозможен без единого глобального контроля над СМИ**);

– такой же одинаковый доступ к «глобальному общему достоянию» (**единый контроль над природными ресурсами, прежде всего, российскими**);

Обязанности:

– действовать на общее благо (**явная неконкретность, почти гарантирующая доминирование субъективных подходов и оценок, выгодных тем, кто «заказывает музыку»**);

– учитывать последствия своих действий (**для государств этот пункт равнозначен усечению, а то и утрате суверенитета**);

– содействовать равенству, включая равенство полов (**апелляция к меньшинствам, а также содействие феминизации, разрушающей традиционную мораль, в том числе традиционный семейный уклад**);

– отстаивать интересы будущих поколений путем устойчивого развития (**то есть, согласно документам Римского клуба, с помощью снижения численности населения и уровня жизни**) и охраны общего глобального достояния (**контроля над природными ресурсами, то есть частично дублируется право № 8**);

– сохранять культурное и интеллектуальное наследие человечества (**что-то вроде «культурно-национальной автономии», применяемой в унитарных многонациональных государствах имперского типа, но поскольку речь идет о «человечестве», то империя, надо полагать, предлагается глобальная**);

– активно участвовать в управлении (**дублируется право № 5; такое сочетание прав и обязанностей со временем Устава КПСС еще не фиксировалось; отсюда – требование подчинить «глобальное гражданское общество» нормам специального устава**);

– искоренять коррупцию (**это можно делать разными способами, например, с помощью предложенного Бже-**

зинским индивидуального микрочипирования и т.д.)².

Комментарии тенденциозные? Так непонятно же, куда подевались из «принципов» – «прав и обязанностей» – такие «ценности», как свобода и справедливость? Ведь даже о праве на жизнь не упоминается, только на «безопасность» – и всего-то через 8 страниц! Что уж говорить об отсутствии права избирать и быть избранным и многих других ценностей, составляющих основу любой демократической конституции?

Между тем, как следует из текста доклада, эти положения «глобальной гражданской этики» на 70-й странице характеризуются как «содействующие укреплению основных прав, уже входящих ...в международные нормы, обеспечивающие моральную основу для создания более эффективной системы глобального управления». А на 342-й странице они же (дословно) признаются уже (sic!) необходимыми для «обеспечения качества глобального управления» и «направляют действия в рамках глобальной общины и лидеров, придерживающихся этой этики» (курс. – Авт.).

Итак, в рамках «глобальной гражданской этики» сначала «ценности» потихоньку трансформируются в «права и обязанности». Следующим же движением руки авторов «моральная основа» глобального управления заменяется его «качеством», разумеется, полностью отчужденным от всякой морали.

Что это как не спецоперация по подмене понятий с помощью манипуляции отдельными фрагментами общей картинки и, по заветам Хауса, распыления их по различным частям доклада?

В справедливости приведенных выше параллелей с известным творением Дж. Оруэлла убеждают и следующие выдержки из доклада. «Реформирование и упрощение существующей системы межправительственных институтов», осуществляемое

в рамках «многогранной стратегии глобального управления...» будет способствовать «развитию глобальной гражданственности» и (sic!) «поможет вовлечь беднейшие, маргинальные и отчужденные сегменты национальных обществ и международного сообщества. ...Подобный взгляд на глобальное управление может ...восторжествовать лишь в том случае, если он основан на непоколебимой приверженности принципам равенства и демократии, воплощенным в гражданском обществе»² (курс. – Авт.).

Раньше авторов «НГС» еще в 1992 г. к «неорганизованным, бедным и маргинальным слоям» апеллировал все тот же генсек ООН К.Анан²⁸.

Означает ли это, что в постиндустриальном и, следовательно, постмодернистском обществе, о приходе которого без устали твердят авторы «НГС», «средний класс» уступает ведущее место, отводившееся ему послевоенной концепцией «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*), маргинальным слоям?

Или апелляция к глобальному «коллективному Шарикову» нужна авторам доклада лишь для того, чтобы еще раз акцентировать привычную риторику в хорошо известном нам стиле предвыборного лозунга «Мы за бедных – мы за русских»?

Забежим немного вперед в вопросы, касающиеся «миростроительства», находящиеся в компетенции соответствующей Комиссии ООН. Сделаем это для того, чтобы посмотреть, каким образом рассуждают о демократии высокие должностные лица ООН в тех случаях, когда разговаривают с единомышленниками из числа «прикормленных» представителей мирового сообщества.

Из доклада Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992 г.):

«Для того, чтобы быть успешными, миротворчество и операции по поддержанию

мира должны включать ...всеобъемлющие усилия по определению и поддержке (sic!) структур, которые будут иметь своей тенденцией укрепление мира и вселение в людей чувства уверенности и благополучия. На основе соглашений, прекращающих гражданский конфликт, они могут включать в себя ...надзор над проведением выборов, содействие усилиям по защите прав человека, реформирование или укрепление правительственный учреждений и (sic!) содействие формальным и неформальным процессам политического участия»²⁹ (курс. – Авт.).

Итак, отыскивается «структур», по чьему-то мнению «имеющая тенденцией укрепление мира» (например, «Армия освобождения Косова» или правительство «Чеченской Республики Ичкерия»). Затем с участием этой структуры подписывается «соглашение, прекращающее гражданский конфликт» – Парижское или Хасавюртовское, после чего ее власть укрепляется, в том числе с помощью выборов, а «миротворцы» включаются в «процессы политического участия», в том числе «неформальные».

Из доклада Генерального секретаря ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития» (6 мая 1994 г.):

«Демократия является единственной долгосрочной основой для балансирования сталкивающихся этнических, религиозных и культурных интересов таким образом, чтобы свести к минимуму опасность ...внутреннего конфликта. ...Демократия неотделима от вопроса об управлении (глобальном – Авт.), который затрагивает все аспекты деятельности в целях развития...»³⁰ (курс. – Авт.).

Здесь тот самый случай, когда текст по своей красноречивости значительно превосходит любые возможные комментарии.

Остается лишь констатировать, что термины «демократия», «права челове-

ка», «гражданское общество» и т.д. упоминаются во всех последующих документах ООН такое количество раз и в таком разнообразии сочетаний и ракурсов, что ни процитировать, ни просто пересчитать их не представляется возможным.

Таким образом, главное – это постоянное сближение понятий «устойчивое развитие» и «глобальное управление». Инструментом их практического осуществления в сфере политики служит «демократия», ресурсом – «окружающая среда», а объектом воздействия – «глобальное гражданское общество», составленное из людей и организаций, которые «действуют» во всех структурах и на всех уровнях – «официально и неофициально». (Та же схема и в экономике, только «демократию» в ней заменяет «рынок»).

Второе, что важно: подвижность рекомендуемого авторами «НГС» видения морали и нравственности. Сначала они преподносятся в качестве «ценностей», затем – в значительной степени усеченных «прав и обязанностей», из которых изымаются такие демократические императивы, как право на жизнь, свобода, солидарность и т.д. Причем, сами эти «права и обязанности» в одном случае выдаются за «моральные условия» глобального управления, а в другом – укладываются в

фундамент его «качества», достигаемого распространением данных установок на всю «глобальную общину» и превращением их в источник мотивации ее «лидеров». Именно этой последней, откровенно тоталитарной трансформации глобальных «ценностей» в унифицированную трактовку мотивов «устойчивого» поведения присваивается звучное наименование «глобальной гражданской этики».

И, наконец, третье, что следует подчеркнуть: предпринимаемую при поддержке глобалистских квазирелигиозных кругов попытку некоей духовной унификации человечества – на атеистической, космополитической, «неокочевнической» (по Ж.Аттали) основе. Следовательно, речь идет о полном и окончательном отрещении человека от своих традиционных духовных корней, которые однозначно связаны с доминирующими религиями и поместными церквами, а, в конечном счете, с Историей, которую пытаются обесценить, низвести до атавизма, возведя тем самым на пьедестал описанные Оруэллом уэллсовские социально-биологические и социально-экологические комплексы.

Как тут не вспомнить знаменательное пророчество св. Иоанна Кронштадтского: «Демократия – в аду, на Небе – Царствие».

Окружающая среда и «устойчивое развитие»: идеология и институты

Развитие глобального управления в экономической и экологической сфере отражается уже рассмотренным преобразованием «Повестки дня на XXI век» в «Цели развития тысячелетия» («ЦРТ») и далее – в «Глобальное партнерство по целям развития».

Первое, что обращает внимание, – поэтапное соответствие этим преобразованиям тех корректив, которые стали вноситься в «глобальный план». Так,

на первом этапе, еще в рамках «Повестки дня на XXI век», изменениям подвергся изложенный в «НГС» проект создания уже к 1997 г. в структуре ООН Совета экономической безопасности (СЭБ). Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), который Комиссия по глобальному управлению рекомендовала упразднить, сохранился. А СЭБ, как упоминавшийся проект⁴ еще одного Совета безопасно-

сти ООН – по экологии, так и не был создан.

На втором этапе, при переходе к «ЦРТ», ЭКОСОС, с одной стороны, был увязан с Программой ООН по развитию (ПРООН), который передали функции «глобального экологического органа», а с другой – под руководство ЭКОСОС перешла Комиссия ООН по устойчивому развитию. Таким образом, была упорядочена взаимосвязь в системе институтов, призванных восполнить отсутствие СЭБ. В полной мере добиться этого организаторам и исполнителям «глобального плана» не удалось. В итоге часть глобально-управленческих функций в экономической сфере, как увидим, оказалась выведенной из системы ООН.

На третьем этапе с формированием в 2000–2005 гг. «Глобального партнерства по целям развития» данная корректировка продолжилась. В сфере ООН продолжилось укрепление ЭКОСОС. Сегодня это исполнительный орган ПРООН. Семь его представителей на равных с семью членами Совета Безопасности ООН входят в руководящий орган Комиссии ООН по миростроительству – Организационный комитет.

Активизировались процессы и вне системы ООН. Так, существенно повысился статус глобальных финансовых институтов – МВФ, других структур «واشنطنского консенсуса», а также Группы Всемирного банка. Кроме того, появилась «Группа двадцати», тесно связанная с образованным вокруг БМР Базельским клубом. До этого она представляла собой «спящий» консультативный орган, функционировавший с 1999 г. в формате министров финансов и глав центробанков.

Главные вопросы о том, почему не состоялся СЭБ и каковы дальнейшие перспективы этого проекта – тщательно обходятся.

Связано ли это с созывом Саммита тысячелетия, положившего начало пятилетним циклам Всемирных саммитов ООН по развитию?

Или с провалом на данном этапе реформы ООН?

Или создание СЭБ просто отложено «до лучших времен», например, до 2020 г., который фигурирует в ряде документов Комиссии ООН по миростроительству в качестве некоего «рубежа»?

Или избран вариант с возведением на глобально-управленческий пьедестал «Группы двадцати»?*

А, может быть, в 1996–1997 гг. случилось нечто такое, что сделало предусмотренное проектом СЭБ внедрение жесткой глобально-управленческой модели излишним или вообще неактуальным и «глобальную игру» посчитали возможным успешно завершить и без СЭБ – так сказать, «малой кровью»

Тогда что именно произошло? Повторное избрание в США Б.Клинтона, а в России – Б.Н.Ельцина со всеми вытекающими отсюда последствиями для системы неформальных международных обязательств? Или успешное для США и НАТО развертывание операции по расчленению Югославии, подкрепленное Дейтонским соглашениями, за которыми последовали события в Косово, бомбардировки Белграда и т.д.?

В любом случае, представляется, что проект СЭБ со счетов сбрасывать рано. Хотя бы потому, что вмененные ему авторами «НГС» задачи по-прежнему реализуются, но с помощью других институтов. А это свидель-

* На взгляд автора, это маловероятно, ибо наделение «двадцатки» распорядительными функциями без введения ее в систему ООН может породить «глобальное двоевластие».

ствует о неизменности общефилософского замысла «глобального плана».

Возвращаясь с этим к анализу доклада, прежде всего, следует подчеркнуть, что проблематика «устойчивого развития» в нем тесно связана с экономикой и темой природных ресурсов. В частности, указывается место «мировых ресурсов» в общей концепции глобального управления (гл. I, С. 43–53), роль «окружающей среды» в системе глобального экономического управления (гл. IV, С. 153–156), а также загриппированный под «Защиту окружающей среды» порядок управления «глобальным общим достоянием» (гл. IV, С. 228).

Главными проблемами в сфере окружающей среды и «устойчивого развития» «НГС», вслед за документами Римского клуба, признает увеличение численности населения и экономический рост, которые «легли тяжким бременем на природные ресурсы и экологическую обстановку»². И далее: «Имеется множество свидетельств ширящейся деградации окружающей среды, вызванной деятельностью человека: снижение плодородия почв и их эрозия, выбитые пастбища, наступление пустынь, исчезновение лесов, загрязненный воздух и отравленная вода. Добавим к этому новые сложности, связанные с изменением климата и появлением озоновых дыр»².

С «озоновыми дырами», кстати, вышел очередной конфуз. В резолюции XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1997 г.) читаем, что «продолжается быстрое разрушение озонового слоя, и в этой связи необходимо укрепить режим Монреальского протокола... (этот протокол 1997 г. по веществам, разрушающим озоновый слой, является дополнением к Венской конвенции 1995 г. – Авт.)²⁴». В докладе генсека Саммиту тысячелетия (2000 г.)

черным по белому записано прямо противоположное: «Возможно, наиболее успешным международным соглашением в области окружающей среды на сегодняшний день является Монреальский протокол, в котором государства согласились с необходимостью постепенного прекращения использования веществ, разрушающих озоновый слой»¹⁹.

Одно из двух: или эта проблема за три года рассосалась без всякого «протокола», силами самой природы – по воле человека за такой короткий срок столь радикальные перемены, к тому же осуществляемые «постепенными» темпами, не происходят. И тогда «вброс» темы «озонового слоя», как, видимо, и некоторых других тем, является не чем иным, как спецоперацией.

Либо «дыра» как была, так и осталась, и, следовательно, имел место сбой бюрократической системы глобального управления, одна рука которой не знала, что делает и пишет другая.

Однако оставим этот эпизод на совести авторов доклада и функционеров ООН. Лучше обратим внимание, что «не менее значимыми факторами» обострения экологической ситуации в «НГС» признается (sic!) «осознание людьми своих прав и их растущие возможности самим определять собственную судьбу»².

«Этим странам («третьего мира» – Авт.) необходимо помочь выбраться из нищеты... Однако, одолевая бедность, они **повысят уровень жизни**, что, в свою очередь, **приведет к росту потребления**. Мир должен найти такие пути, которые обеспечат избавление от нищеты, не ставя под угрозу безопасность окружающей среды. Развивающиеся страны должны получить доступ к технологиям, которые позволяют **снизить потребление ресурсов** (например, к энергосберегающим). Для поддержания использования **мировых ресурсов** в ра-

зумных пределах, пока беднейшие страны будут добиваться повышения своего жизненного уровня, богатые общества должны снизить уровень своего потребления»² (курс. – Авт.).

Что это – просто популистский лозунг? Нет, дьявол, как всегда, в деталях.

Во-первых, вспомним пресловутый «датский текст», предлагавший представить развитому миру Запада двукратные, по сравнению с развивающимися странами, преференции по «парниковым выбросам» на душу населения. Ясно, что при таком подходе, особенно когда в «третий мир» сбрасываются наиболее «грязные» производства, беднейшие страны не имеют возможности справиться с нищетой не просто в обозримой перспективе, но вообще никогда. Это недостижимо даже и без «датского текста», ибо энергосберегающие технологии в значительной мере относятся к перечню высоких и потому большинству бедных стран просто не по карману, а максимальный потенциал широко рекламируемого перехода к использованию «возобновляемых» источников энергии, по оценке Председателя правительства России В.В.Путина, не превышает 8–10%³¹.

Про действительную альтернативу ископаемым энергоресурсам – ядерную энергетику, – в докладе, разумеется, ничего позитивного не сказано. Это табу!

Во-вторых – и это самое главное – авторы доклада призывают отнюдь не поднять уровень жизни развивающихся стран до уровня развитых, а наоборот, ввиду угрозы роста потребления не допустить такого подъема, то есть, как мы уже убедились на примере докладов Римскому клубу, опустить уровень потребления в мире в целом через deinдустириализацию и зафиксировать его на этом низком уровне, обеспечив удов-

летворение лишь утилитарных потребностей. Для этого предполагается задействовать весь перечень «инновационных» отраслей Римского клуба, прежде всего химические и биологические технологии, особенно в сфере создания генно-модифицированной продукции, как раз и решающей проблему численности населения посредством радикального снижения репродуктивной функции в перспективе третьего-четвертого поколений.

В-третьих, добиться этого предполагается с помощью установления над ресурсами глобального контроля. Следим за общей логикой изложения этой темы в первой главе доклада по пунктам: на стержень «Населения» и «Ресурсов Земли» («мировых ресурсов») последовательно нанизываются «Глобальные СМИ», «Проводники перемен в гражданском (то есть управляемом извне – Авт.) обществе» и «Активизация роли людей». В сумме получается «Просвещенное руководство»². Это вверху, а внизу, как помним, – «коллективный суверенитет» и «глобальная гражданская этика».

Похожая логика и в четвертой главе: «Устойчивое развитие и Программа-XXI» – «Рыночные инструменты и окружающая среда» – «Глобальное общее достояние» – «Принципы глобального экологического управления». И в заключение – «Финансирование глобального управления»².

Следовательно, управление природными ресурсами, с какого боку к нему ни подходят, неизменно выводится на глобальный уровень.

Тогда в чем терминологическое различие между «мировыми ресурсами» и «глобальным общим достоянием»? А вот в чем.

Управление «мировыми ресурсами» пока рассматривается лишь перспективно, в то время как управление «гло-

бальным общим достоянием» – это реальность, уже существующая, но признающаяся в «НГС» недостаточной. Иначе говоря, термин «глобальное общее достояние» пока намного более узкий, чем термин «мировые ресурсы», к которому причисляются абсолютно все ресурсы, а не более или менее широкая выборка из них. Но «глобальное общее достояние» – еще и более конкретный термин.

«Глобальное общее достояние включает ...атмосферу, космическое пространство, океанические воды за пределами национальной юрисдикции и другие аналогичные жизнеобеспечивающие системы, необходимые для поддержания человеческой жизни.

...Договоры (по охране глобального общего достояния – Авт.) ...контролируют атмосферу, океаны, находящиеся под угрозой уничтожения виды животного и растительного мира, Антарктику и торговлю токсичными отходами. Важную роль в переговорах по этим соглашениям и в их осуществлении приобрела Программа действий по окружающей среде (ЮНЕП)... НПО, такие как Всемирный союз охраны природы, Институт мировых ресурсов, Всемирный фонд защиты дикой природы (WWF), также внесли большой вклад, создавая благоприятную атмосферу для официальных акций по улучшению управления в сфере охраны окружающей среды² (курс. – Авт.).

Управление «глобальным общим достоянием» – атмосферой, биоресурсами, Антарктикой и т.д. – осуществляется многократно упоминавшимися нами международными конвенциями: по изменению климата, по биологическому разнообразию, по озоновому слою. (Отметим также особую роль перечисленных в этой цитате глобальных НПО).

Для остальных составляющих тоже имеются соответствующие конвенции, но они пока менее «раскручены» в ин-

формационном поле, чем перечисленные. Но так будет не всегда.

«Несмотря на то, что сейчас такие глобальные проблемы, как истощение озонового слоя, встречают куда больше понимание, нежели несколько лет назад, более жизненно важным вопросам – снабжению питьевой водой и ее качеству, истощению почв, наступлению пустынь – уделяется гораздо меньше внимания»² (курс. – Авт.).

Сказано – ясней некуда. Вода и почвы, а также леса, препятствующие наступлению пустынь, – это, в частности Байкал, Черноземье и Сибирь, то есть территория России и потенциал роста «глобального общего достояния» одновременно. Если и эта дилемма будет разрешена в пользу «глобального плана», а также, надо полагать, после предусмотренного им глобального разоружения, наступит черед уже и углеводородных, редкоземельных и многих иных ресурсов, до которых на тот момент еще не дотянется рука «гуманистического вмешательства».

Итак, из «НГС» следует, что «глобальное общее достояние» будет расширяться до тех пор, пока не совпадет с «мировыми ресурсами». Для контроля над сегодняшним «глобальным общим достоянием» наиболее актуальны «устойчивое развитие», «Цели развития тысячелетия», рыночная экономика и глобальное управление экологией. Но уже завтра могут потребоваться управляемые глобальные СМИ, а также управляемая активизация роли людей и НПО – не только отдельных, но и всего «глобального гражданского общества» в целом:

«Отсутствие ...единого подхода и контроля над глобальным общим достоянием становится все более очевидным. ...Только один орган должен нести общую ответственность, в том числе за осуществление связанных с общим достоянием договоров в экологической сфере... Мы

считаем, что такую роль следует предложить Совету (ООН – Авт.) по опеке...

...Крупной неудачей конференции в Рио стало то, что она **не смогла достичь согласия относительно принятия Хартии Земли...**, и не добилась заключения соглашения по обеспечению дополнительных ресурсов (природных – Авт.) для развития (устойчивого – Авт.)»² (курс. – Авт.).

Не забудем, что «Хартия Земли» – одновременно и «глобальная конституция», и глобальная сетевая организационная структура с руководящими органами. И что возглавляет ее Горбачев, давно уже ратующий за «глобальную перестройку».

Вот тезисы, «развивающие» эту тему:

Из резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по докладу Генерального секретаря, посвященному ходу выполнения «Повестки дня на XXI век» (1997 г.): «Необходимо предпринять дальнейшие усилия для содействия ...интеграции деятельности в области окружающей среды и развития с помощью соответствующих нормативной и регулятивной политики, инструментов и механизмов обеспечения исполнения на национальном, провинциальном и местном уровнях»²⁴ (курс. – Авт.).

А это уже выдержки из доклада самого генсека Саммита тысячелетия:

«По общему мнению, выбросы двуокиси углерода являются главной причиной изменения глобального климата, а главный источник таких выбросов – сжигание ископаемого топлива. ...За период после 1972 г., когда ООН впервые созвала глобальную конференцию для рассмотрения экологических вопросов (Стокгольмская конференция по окружающей среде – Авт.), мы достигли определенного прогресса. Эта конференция привела к созданию по всему миру министерств по охране окружающей среды, учредила Программу ООН по окружающей среде и способствовала широкому распространению организаций гражданского общества природоохранного направления.

Двадцать лет спустя Конференция ООН по окружающей среде и развитию (в Риоде-Жанейро – Авт.) заложила основы для заключения соглашений, касающихся изменения климата, лесов и биологического разнообразия...

Признавая, что в основе проблемы изменения климата лежат экономические причины, Протокол (Киотский – Авт.) стремится привлечь к поиску необходимых решений частный сектор.

...Я призываю участников Саммита тысячелетия содействовать принятию и осуществлению Киотского протокола...

...«Механизм чистого развития» позволяет промышленно развитым странам зарабатывать связанные с выбросами очки за осуществление инвестиционной деятельности, не вызывающей пагубных последствий для климата, в развивающихся странах, где эти инвестиции будут приводить к снижению существовавших до этого уровней выбросов парниковых газов. Эти очки засчитываются в счет обязательств по сокращению выбросов, которые промышленно развитые страны должны выполнять. ...Перспектива получить такие очки стимулирует богатые страны к тому, чтобы осуществлять в бедных странах инвестиционную деятельность, способствующую экономии энергии»¹⁹ (курс. – Авт.).

Здесь практически вся экологическая мифология «устойчивого развития». И контроль над государственной политикой с помощью министерств по окружающей среде, и международные конвенции, управляющие «глобальным общим достоянием», и ставка на ТНК, и торговля квотами на «парниковые выбросы», интерес к которым, как отмечалось⁴, проявляют все без исключения глобальные олигархи, и многое другое.

А далее обрисованы состояние и перспектива расширения «глобального общего достояния» в сторону его приближения к «мировым ресурсам»:

«Я настоятельно призываю промышленно развитые страны рассмотреть возможность предоставления беспошли-

ного и неквотируемого доступа для всего ...экспорта из наименее развитых стран...

Заглядывая в будущее, мы видим серьезную угрозу в том, что исчерпание ресурсов, прежде всего запасов пресной воды, а также острые формы деградации окружающей среды могут привести к не-предсказуемому, но потенциально опасному усилению социально-политической напряженности¹⁹ (курс. – Авт.).

Что экспортируют «наименее развитые страны»? Природные ресурсы, в которых нуждаются развитые. А открытие всех «шлюзов» призвано обеспечить конкуренцию и снижение на них цен. ВТО, прежде всего, именно для этого и существует!

Абсолютное большинство всех перечисленных здесь тем красной нитью проходят через все последующие документы ООН – вплоть до Итогового документа Всемирного саммита 2010 г.

Переходим к предложениям авторов «НГС» в сфере глобальных институтов.

Разумеется, в первую очередь речь пойдет о СЭБ. Поскольку в основе этой идеи находилось функциональное (именно функциональное!) разделение центров принятия экономических и политических решений при сохранении фундаментального единства глобального экономического и глобального политического управления, общий замысел СЭБ является политическим, а не экономическим. А именно: обойти заложенное в Устав ООН право «вето» для постоянных членов ее Совета Безопасности и создать под предлогом продиктованной глобализацией «экономической взаимозависимости» новый, параллельный Совбезу руководящий орган ООН, в котором это право «вето» отсутствовало бы.

«...Различные варианты включают..., например, упрочение авторитета Совета Безопасности путем расширения его ком-

петенций за счет экономических вопросов или создание особого органа в рамках ООН, по структуре подобного Совету Безопасности, но полностью от него независимого.

Взвешивая оба варианта, Комиссия (по глобальному управлению – Авт.) отдает предпочтение последнему. ...В отличие от нынешнего Совета Безопасности, деятельность СЭБ будет основана на консенсусе и права вето в ней не предусматриваются. Более того, краткосрочный характер решений Совета Безопасности и его поглощенность ...проблемами мира и безопасности превращают его в неподходящую модель для СЭБ, который будет ...занят разработкой политики и правил.

...Членство в нем будет обусловлено разнообразными критериями.

Во-первых, крупнейшие экономические державы мира будут представлены в СЭБ по своему праву...

Во-вторых, должно соблюдаться сбалансированное представительство регионов; оно, как и участие малых государств, будет обеспечиваться избирательной системой.

В-третьих, должна быть предусмотрена достаточная гибкость, чтобы входящие в СЭБ страны, являющиеся также членами, например, Европейского союза либо какой-либо из крепнущих региональных групп ...могли бы принимать участие в его деятельности от имени всех своих членов.

И, наконец, по членству, СЭБ не должен превышать состав реформированного Совета Безопасности (23 члена)² (курс. – Авт.).

Перед нами – развернутая программа действий. Еще раз подчеркнем: то, что СЭБ не сложился, не является основанием для отказа от рассмотрения ни общефилософского замысла «глобального плана», ни конкретных его пунктов. Вместо СЭБ эти меры сегодня осуществляются ПРООН, ЭКОСОС, «Группой двадцати» в части финансового регулирования, а в политическом планировании – Комиссией по миростроительству и другими структурами внутри и вовне ООН.

Во-первых, в докладе открыто говорится о том, что СЭБ займется «политикой и правилами», то есть превратится в орган, создающий «правила игры». Совету Безопасности же отведут текущие дела, по-видимому передав стратегические аспекты политического планирования и управления Комиссии по миростроительству.

Во-вторых, в докладе упоминается глобальная «избирательная система». Это то самое, что в первой части статьи названо «Глобальной экологической схемой» (ГЭС), которая является совместным проектом ПРООН, ЮНЕП и Всемирного банка.

«Этот проект представляет собой новшество, дающее возможность развивать новые формы управления, – говорится в докладе. – Особый интерес вызывает ее избирательная система*, с помощью которой схема пытается сочетать представительность с эффективностью».

...Для обеспечения участия в работе СЭБ всех членов ООН будут во все возрастающей степени использоваться системы избирательных округов, ротации и консультации....». ...ГЭС представляет собой пусть и небольшой, но весьма полезный шаг к расширению инструментария и базы финансирования Программы-XXI» («Целей развития тысячелетия»)².

Как видим, предлагаемая система представительства и процедура принятия решений не только не позволяют России и другим субъектам бывшего СССР претендовать на серьезные позиции в заменивших СЭБ специализированных учреждениях ООН, но и ставят

нашу страну – в случае участия в этой схеме – перед перспективой «разборок» по каждому конкретному вопросу с враждебно настроенными восточноевропейскими соседями, лишая всякой возможности отстаивать свои интересы с помощью апелляции к руководству ООН. И все это, подчеркиваем еще раз, должно будет происходить не «по политике», а «по процедуре».

В-третьих, предусмотренная авторами «НГС» «гибкость членства», включающего представительство региональных групп, также не распространяется на Россию. Ибо единственную продуктивную для нашей страны интеграционную модель в ее традиционных границах – это восстановление единой государственности. И она, по определению, не влечет за собой возможности для нас представлять в глобальных структурах от региональной группы. Как установлено, вне единой государственности элиты бывших советских республик тянутся не к созданию такой группы, а к включению во внешние группы.

В-четвертых, упоминаемый в документе «консенсус» по принятым в международных отношениях правилам не должен противопоставляться праву «нет», как это делается в докладе. Такое право, напротив, предоставляется каждому, а не только «избранным». Польша и Чехия, отстаивая свои национально-государственные принципы, едва не торпедировали Лиссабонский договор Европейского союза, и осталь-

* Структура этой «избирательной системы» и особенности функционирования таковы: «ГЭС охватывает более 100 государств, однако в ее руководящий орган входит всего 32 чел., каждый из которых представляет свой «избирательный округ». 16 созданы в развивающихся странах, 14 – в индустриальных и 2 – в Восточной Европе. Входящие в каждый округ страны избирают в руководящий орган своего представителя и его дублера. Новые члены включаются в работу в уже существующем соответствующем «избирательном округе». Документы распространяются среди всех стран-членов. Каждый «избирательный округ» определяет свою собственную процедуру проведения консультаций и принятия решений»².

ные, в том числе намного более сильные и влиятельные члены ЕС, вынуждены были во избежание этого пойти им на уступки.

Если же подчеркивается, что консенсус вообще не предусматривает права «вето» (!), то, следовательно, ставка делается на управление совсем иными способами. Например, с помощью все того же проамериканского «агрессивно-послушного большинства» или «неформальных договоренностей».

Поскольку автоматическое членство в СЭБ получают ведущие экономические державы Запада (по объему ВВП, исчисляемому на основе паритета покупательной способности), прежде всего англосаксонские державы, то, следовательно, именно они и собирались управлять этим консенсусом.

В-пятых, СЭБ предполагалось созывать дважды в год: один раз на уровне глав правительств, другой – министров финансов². В промежутках между этими сессиями координирующие функции отводились упоминавшемуся⁴ межправительственному органу – Комиссии ООН по устойчивому развитию, обеспечивающей «политическое руководство в сфере устойчивого развития, ...в выполнении Программы-XXI»². Или «Целей развития тысячелетия».

Что мы наблюдаем сегодня? Главы государств и правительства действительно объединены в структуре ООН, а вот министры финансов вместе с председателями центробанков выведены из системы ее органов и решают свои задачи в формате «Группы двадцати» и Базельского клуба.

Но с 2008 г. межправительственный формат «двадцатки» также переведен на высший уровень, а министры финансов, которым предлагалось раз в год собираться в рамках главного планирующего органа ООН, теперь, по сути, задвинуты на исходные позиции – в непубличный Базельский клуб.

О чем говорят все эти метаморфозы?

Прежде всего о том, что ЭКОСОС, даже полномочный и делегирующий своих представителей в Комиссию по миростроительству, не является равнозначной заменой СЭБ, который мыслился «супер-институтом», формирующим «порядок и правила» глобальной игры. И поэтому формирование «порядка и правил» «площадки» ООН перенесено за ее пределы.

Что-то в сценарии, изложенном в «НГС», не срабатывает, но обольщаться рано. Система отнюдь не проседает, а продолжает двигаться к намеченной цели, пусть и обходными путями. Кроме того, нельзя поручиться, что эти пути действительно обходные, и глобальная функция «двадцатки» не получит международно-правовой легитимации на уровне ООН задним числом, как это, например, случилось с американской оккупацией Ирака.

Открытым также остается вопрос о возможном дополнении функций «двадцатки» в сфере глобального экономического планирования такими же глобальными планирующими функциями уже в политической сфере. Игра далеко не сыграна, а возможно и вообще только начинается.

В-шестых, СЭБ признается системообразующей структурой глобального экономического управления:

«...В число основных международных «общественных благ», которые должны обеспечивать глобальное экономическое управление, входят:

– система финансовой стабильности: стабильная валютная система, способность справляться с серьезными спадами и потрясениями системы, разумное регулирование международных финансовых рынков;

– примат законности: для функционирования открытой системы торговли, инвестиций, передачи технологий, обеспечения взаимоприемлемого механизма разрешения спорных вопросов;

– инфраструктура и институты: общие стандарты мер и весов, времени и многих технических спецификаций, согласованная система управления и поддержания свободы мореплавания и находящихся в общем пользовании сетей телекоммуникации и аэронавигации;

– экология: защита глобального общего достояния и надлежащая политика поощрения устойчивого развития;

– равенство и социальное согласие: экономическое сотрудничество в самом широчайшем смысле, включая международное содействие в развитии и помошь пострадавшим от катастроф² (курс. – Авт.).

Отметим здесь, что если «открытая система торговли» (ВТО) действует по правилам, наносящим ущерб российской экономике (а это так), то это антироссийская система, и мы не имеем права присоединяться к ней, не оговорив себе условия, нас не ущемляющие. Если «инфраструктура и институты» ограничиваются тем, что перечислено в цитате, то это – замазывание глаз: институциональная база глобального управления в целом и глобального экономического, в частности, – намного шире. Если «защита глобального общего достояния» увязывается с «устойчивым развитием», то это прямая заявка на глобальный контроль над всеми «мировыми ресурсами» и т.д.

Самое главное – из приведенной цитаты следует, что если глобальное экономическое управление отвечает за систему «финансовой стабильности» и недопущение спадов, то одно из двух: либо оно в 2008–2009 гг. не выполнило своей задачи, либо разразившийся в это время кризис является управляемым (что, как увидим далее, к истине намного ближе). Помимо признания факта «регулирования международных финансовых рынков», на управляемость процесса указывает и призыв к созданию «системы финансовой стабильности».

Это требование «НГС» было исполнено неукоснительно. В 1999 г., одновременно с «двадцаткой» (в ее раннем, «спящем» формате) был создан Форум финансовой стабильности, который сразу же после активизации «двадцатки», на ее втором по счету Лондонском форуме, был преобразован в Совет финансовой стабильности (СФС). Он включил представителей национальных финансовых органов власти (центробанков, надзорных органов, министерств финансов), международных финансовых институтов, комиссий экспертов центробанков.

Итак, для чего же все-таки глобальное экономическое управление разделялось с политическим?

Ответ содержится в последнем пункте «общественных благ», которые обеспечиваются глобальным экономическим управлением, увязывающим этот круг вопросов с политическим управлением, а также в содержащейся в докладе посылке, что глобальные экономические вопросы не решаются без таких стран, как Китай и Индия. КНР и так является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Не ради же одной только Индии формулировали такое глобальное предложение!

Следовательно, создание СЭБ направлялось против России и было призвано «подвести итоги» холодной войны таким же образом, как создание ООН с Уставом в основе и с Советом Безопасности во главе подвело итоги Второй мировой войны. То есть, речь шла о том, чтобы зафиксировать победу в холодной войне Запада и поражение в ней СССР, исключив Российскую Федерацию как его правопреемницу из клуба великих держав. Подобные идеи не раз звучали и на других уровнях, но здесь они, пусть и завуалировано, были сформулированы в качестве официальных предложений группы очень высокого уровня.

Что этому помешало, сказать трудно. Повторим, что когда от СЭБ все-таки отказались и подобное «подведение итогов» холодной войны сорвалось, отводившиеся ему функции были соответствующим образом перераспределены между другими институтами.

ПРООН как «ведущему глобальному экологическому органу» было отведено определение глобальной повестки дня в области окружающей среды и действие последовательному осуществлению связанных с окружающей средой целей устойчивого развития в рамках системы ООН...»³². ЭКОСОС получил поддержку Саммита тысячелетия. «...Мы преисполнены решимости, – говорилось в Декларации тысячелетия, – продолжать укреплять Совет, опираясь на его последние достижения...»¹⁵.

Еще более заметная роль была отведена этому органу ООН в «Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию», принятом саммитом в Йоханнесбурге (2002 г.). «...Подтверждается роль Совета как главного механизма координации деятельности системы ООН и ее специализированных учреждений...»³³.

Функции перешедшей под руководство ЭКОСОС Комиссии ООН по устойчивому развитию также были расширены по сравнению с теми, что отводились ей в проекте СЭБ.

Они подробно расписаны в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по «Повестке дня на XXI век» (1997 г.):

«Комиссии следует выполнять свои функции в координации с другими вспомогательными органами ЭКОСОС, в том числе разрабатывать ...рекомендации для ЭКОСОС...

Комиссии под руководством ЭКОСОС следует:

а) ...участвовать в этапах ежегодных заседаний высокого уровня Комиссии вместе с министрами и руководителями, от-

ветственными за вопросы окружающей среды и развития...;

б) ...Комиссии следует рассмотреть более эффективные методы дальнейшего выполнения обязательств, взятых в Повестке дня на XXI век...;

д) налаживать более тесное взаимодействие с международными учреждениями по вопросам финансов, развития и торговли, а также с другими соответствующими органами в рамках системы ООН и за ее пределами, включая Всемирный банк, Глобальный экологический фонд, ПРООН, ВТО, ЮНКТАД, ЮНЕП...;

е) расширять взаимодействие с представителями основных групп («глобального гражданского общества» – Авт.): научными кругами и НИИ, женщинами... и молодежью, коренным населением и его общинами, НПО, местными органами власти, ...профсоюзами, деловыми и промышленными кругами (все исключительно в целях «устойчивого развития» – Авт.).

...Деятельность Комиссии по ...энергетическим ресурсам и Комитета по природным ресурсам (оба упразднены уже после 2002 г., а их полномочия переданы самой комиссии – Авт.) ...более тесно увязать с программой работы Комиссии¹⁵ (курс. – Авт.).

Обобщая рассмотрение подходов к глобальному экономическому управлению, заложенных в «НГС» и последующие документы, необходимо подчеркнуть следующее.

Во-первых, трансформация «Повестки дня на XXI век» («Программы-XXI») в «Цели развития тысячелетия» и далее – в «Глобальное партнерство по целям развития» произошла вследствие разделения в 2000–2005 гг. глобального управления на политическую и экономическую ветви, в каждой из которых сложилась собственная система институтов.

В системе глобального экономического управления ведущая роль отведена ЭКОСОС и находящейся под его руководством Комиссии ООН по устойчивому развитию. Их деятельность

направлена на реализацию повестки дня в экологической сфере, которая формируется Программой ООН по развитию. При этом структура институтов глобального политического управления, в частности, Оргкомитета Комиссии ООН по миростроительству, формируемой на основе представительства стран, входящих как в Совет Безопасности ООН, так и в ЭКОСОС, указывает на сохраняющуюся взаимосвязь экономической и политической ветвей глобального управления.

Несмотря на признание «ответственности государств за свое развитие», продолжает осуществляться курс на их эрозию. Инструментами этого курса в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. в Нью-Йорке опять были названы «повышение вклада НПО, гражданского общества, частного сектора...», усилия которых, по мнению авторов, необходимо сосредоточить на налаживании «глобального партнерства в целях развития»²⁷.

Второе, что обращает внимание. Предложенный авторами «НГС» проект Совета экономической безопасности ООН явился, на наш взгляд, примерно такой же попыткой скрыть преимущественно политическое содержание «глобального плана», какой в эпоху холодной войны стал экологизм Римского клуба.

Эта концепция («устойчивого развития» – Авт.), – говорится в докладе, – занимает прочное место во всех дискуссиях о политике в экономической и экологической сферах»²⁸.

Распространение концепции «устойчивого развития» на политическую сферу, позволяющее идентифицировать ее с глобальным управлением, подтверждается ее официальной формулой: «экономический рост, социальное развитие, окружающая среда», то есть экономика, политика, экология.

Третий момент: внедрение в докладе важных понятий «глобальное общее достояние» и «мировые ресурсы». Соотношение их таково, что в настоящий момент сфера «достоиния» ограничивается космосом, атмосферой, биосферой, мировым океаном и Антарктикой.

Однако ожидается включение в повестку дня вопроса о расширении «глобального общего достоиния» за счет включения водных, почвенных и лесных ресурсов. За этим, по-видимому, последуют и остальные виды «мировых ресурсов», после чего оба понятия сольются и превратятся в концепцию (и политику) глобального контроля над всеми природными ресурсами планеты.

И четвертое. Не должна вводить в заблуждение усиленно насаждаемая авторами доклада «НГС» и других соответствующих документов позитивная мотивация предлагаемого комплекса мер, якобы направленного на изживание нищеты в развивающихся странах и предотвращение войн. За этими «миро-любивыми» и «гуманистическими» формулировками скрывается очень простая вещь: стремление переустроить мир на тех принципах, по которым сформировалась и функционирует современная западная цивилизация, прежде всего ее англосаксонское ядро. В частности проект СЭБ носил однозначный антироссийский характер и выдвигался с целью официального закрепления итогов холодной войны на уровне, сопоставимом с тем, что было проделано в отношении держав «оси» после Второй мировой войны.

Российскую Федерацию, являющуюся обладателем весьма значительной части естественных природных ресурсов, наблюдающееся в последние десятилетия сосредоточение интеллектуальных, политических, идеологических и организационных усилий Запада в этой сфере не может не настороживать.

Глобальные налоги. Рыночная экономика и финансирование глобального управления

Разделение глобального управления на экономическую и политическую ветви повлекло за собой и разделение их основных инструментов. По мнению Генерального секретаря ООН, «ресурсом» развития является «окружающая среда», а «источником» – «демократия». Разумеется, в комплекте с «правами человека»³⁴. Это – формула глобального политического управления.

В глобальном экономическом управлении, как отмечалось, «ресурс» развития тот же – «окружающая среда». А вот «источником» служит уже не демократия, а «рынок», то есть рыночная экономика, которая именно поэтому, как и «демократия», является неотменяемой и не подлежащей обсуждению идеологемой «нового мирового порядка».

Итак, у глобального управления имеются два «инструмента». Политический – демократия и экономический – рынок.

Рынок обеспечивает «рациональное» управление природными ресурсами, демократия также «рационально», в духе «благого правления», руководит людьми.

Однако возникает вопрос: почему именно рыночный уклад оказался наиболее пригодным для реализации задач «благого» глобального управления?

Из доклада следует, что по ряду причин.

Во-первых, это обусловлено разоружением императивом: о том, что строительство «глобального общества» потребует централизации контроля над глобальными силовыми ресурсами, говорилось еще в Фултонской речи У.Черчилля.

Но не только. Военная история как ключевая часть национальной истории,

военная организация, военные традиции и т.д., а также сама армия как непременный атрибут суверенитета – все это коренным образом противоречит и концептуальной букве, и духу глобализации и глобального управления. И потому не принимается их адептами от Уэллса до сопредседателей Комиссии по глобальному управлению, а также авторов и исполнителей «сердюковской» военной реформы в современной России.

Кроме того, демилитаризация рассматривается главным условием «миростроительства», ядром которого служат «превентивная дипломатия» и постконфликтное урегулирование, включающее в себя огромный комплекс вопросов, которые под разными предлогами эксплуатируются институтами и учреждениями ООН.

И, наконец, самое важное – с какой стороны к проблеме разоружения ни подойди, она всякий раз разворачивается против России и постсоветского пространства. По понятным причинам эта проблема буквально зациклена на демилитаризации бывшего СССР.

«Возышение военщины во многих странах привело к созданию атмосферы неприятия и враждебности к демократическим ценностям и правам человека.

...В ряде стран демократия страдает из-за того, что армия захватывает доминирующие позиции в национальной политической жизни. ...Но даже в тех случаях, когда военные не стоят у власти, но их позиции и роль необычайно сильны, проявляются чуждые свободному обществу тенденции, подрывающие демократию, так как при распределении национальных ресурсов урезается доля, направляемая на развитие и другие социальные цели. Казарменному духу свойственны авторитаризм и секретность. ...В развивающихся

странах, где служба в армии является одной из немногих, обеспечивающих стабильную и хорошо оплачиваемую работу, осо-бая привлекательность солдатского мундира может оказать (*sic!*) нездоровое воздействие на общество...

...Наращивание военного потенциала сверх того, что требуется для национальной обороны и поддержки деятельности ООН, представляет собой потенциальную угрозу безопасности людей.

...Мы выступаем за разработку долгосрочного **глобального плана действий**, который охватывал бы как экономический и социальный, так и военный аспекты демилитаризации.

...Поставленная такими существенными изменениями (распадом СССР и «восточного блока» – Авт.) перед глобальным экономическим управлением проблема представляется достаточно сложной: необходимо ...демонтировать гигантские и совершенные военные отрасли промышленности, не лишая при этом средств к существованию миллионы занятых в них людей. Ясно, что населению некоторых из них придется пережить невероятные лишения и трудности² и т.д. (курс. – Авт.).

Опять «глобальный план», и опять, как и во времена А. Печеи, главным императивом такого плана называется разоружение. Но почему вопрос был поставлен именно так: «демилитаризация» – ценой «невероятных лишений и трудностей»? А вот почему:

«...Мотивированная политическими соображениями изоляция от мирового сообщества и мировой экономики в сочетании с акцентом на милитаризацию и тяже-лую промышленность привели ...к застою и спаду. Усилия добиться прогресса через командную экономику оказались несостоятельными и привели к катастро-фическим последствиям для окружаю-щей среды...

Переход к рыночной экономике – чрезвычайно трудный процесс. Распад прежних структур вызвал повсюду рез-кий спад производства. Для многих лю-

дей качество жизни ухудшилось. Ситуа-ция в России и Украине, отмеченная значительным ростом смертности и преступности, вызывает особую тре-вогу. Пока еще не ясно, сумеют ли эти страны долго удерживать правильное со-четание своего стремления к национально-му освобождению с чувством взаимной ответственности, взаимного уважения и терпимости или достичь надлежащего равновесия между рыночными реформа-ми и целями в политической, социаль-ной, экологической и других сферах² (курс. – Авт.).

Итак, во-вторых, путь к деиндустри-ализации, особенно в России и на Ук-раине, пролегает через рынок и деми-литаризацию. И неважно, какую цену за это заплатят (уже заплатили!) наши народы. Главное – чтобы «процесс по-шел». Если же он не пойдет или зайдет не туда, придется ставить вопрос о соот-ветствии этих субъектов «общепринятым» ценностям. Но пока не произо-шло разоружение – это проблематично, поэтому следует поторопиться са-мим и поторопить «этых русских».

Насчет «командно-административ-ных» систем. Они для авторов доклада неприемлемы только лишь потому, что управление ими осуществляется не из-вне, а изнутри на основе принципа су-веренитета. Такие системы в глобаль-ные концепции не встраиваются иначе, чем на условиях собственного лидер-ства, а об этом варианте Западу даже подумать страшно.

В-третьих, рыночный подход увели-чивает потенциал роста жизненно не-обходиных для глобального управле-ния элементов «глобального гражданс-кого общества» так называемых «но-вых акторов» в лице частного бизнеса (прежде всего, ТНК), а также «трудя-щихся», точнее, контролирующих со-стояние их интересов профсоюзных ли-деров.

В-четвертых, не будем забывать, что рыночная экономика – это «естественная среда обитания» глобальных финансовых институтов, интересы которых находят отражение в докладе.

«ВТО и региональные группировки, такие как Европейский союз, будут в возрастающей степени сталкиваться с проблемой, которая займет господствующее место в международной экономической повестке дня...: как выработать правила для глубокой интеграции, которая далеко выходит за рамки того, что традиционно принято считать «торговлей»² (курс. – Авт.).

И, в-пятых, в приведенных цитатах упоминается «негативное» воздействие советской «командно-административной» системы на окружающую среду. В чем оно заключается? Здесь мы подходим к самому главному.

«Опыт последних лет подтверждает важность инструментов, которые сигнализируют ...о необходимости ...отказаться от расточительных способов производства, но они работают только в децентрализованных системах, основанных на рыночной экономике и совершенно не применимы к административно-командным структурам»² (курс. – Авт.).

Получается, что советская заводская труба дымит сильнее американской только потому, что управляет «командно-административным» способом.

Явный нонсенс! Подчеркнем его и двинемся дальше:

«Расточительство (в командно-административной системе – Авт.) ...процветает потому, что **потребители и производители не платят экономическую и экологическую цену полностью за то, чем пользуются.**

...Всем правительствам следует в полной мере использовать политику, включающую **экологические налоги**, и взять на вооружение принцип «платит тот, кто загрязняет».

...Смягчить проблему глобального потепления можно было бы путем введения **налога на пользование энергией или на**

выбросы двуокиси углерода... Налог можно было бы использовать как первый шаг к созданию радикально иной системы налогообложения, в соответствии с которой налогом облагается **пользование ресурсами...** Это означало бы **признание необходимости не допускать чрезмерного потребления ресурсов**² (курс. – Авт.).

Вот это – уже не нонсенс, а программный тезис, четко разъясняющий, что преодоление «командно-административной» системы и переход к рынку необходимы не из ненависти к первой или любви ко второму, а по абсолютно рациональному мотиву – для внедрения собственной модели управления мировой экономикой и, следовательно, мировой политикой и превращения ее в единую, унифицированную.

Если бы глобальная унификация по итогам холодной войны произошла на базе советской «командно-административной» системы, это бы обеспечило лидерство Советского Союза, а «рыночная» система – это часть западного, точнее, ангlosаксонского глобального проекта, и никакая экология здесь абсолютно ни при чем!

Сказано же в докладе: «Самая непосредственная задача глобального управления в сфере экологии заключается в предотвращении «трагедии общего достояния» – злоупотреблений общим экологическим достоянием из-за отсутствия **договорения**² (курс. – Авт.).

Иначе говоря, если обобщить названные факторы, которыми объясняется якобы императивная необходимость перехода постсоветских государств к рынку, то окажется, что в ее основе находятся две вещи.

Это, прежде всего, упоминавшееся стремление «подвести итоги» холодной войны, зафиксировав постсоветское пространство на том уровне социально-экономического развития, на который оно опустилось в результате

вызванной рыночными «реформами» деиндустриализации. Любой ценой не допустить возрождения России и, тем более, развития каких бы то ни было интеграционных процессов в СНГ.

И, кроме того, создать глобальную – «радикально иную» – систему налогообложения, то есть переформатировать мировые финансовые потоки и порядок пользования окружающей средой таким образом, чтобы они обеспечивали не государственные, а глобальные интересы. И установить за этим процессом непрерывный контроль. Это и называется «подведением итогов» холодной войны. Причем отнюдь не только экономических.

Остается выяснить, каким именно образом с помощью глобальных налогов осуществляется «рыночный» контроль.

Во-первых, реализация принципа «полней оплаты экономической и экологической цены», прелюдией к которому является принцип «платит тот, кто загрязняет», составляющий, как помним⁴, основу Рамочной конвенции ООН по изменению климата, – это настоящая экономическая удавка, глобальный тоталитаризм и терроризм в одной упаковке. Достаточно ввести это правило в полном объеме и становится возможным быстрое обрушение экономики любого государства и, следовательно, самого этого государства без всякого применения вооруженных сил.

Ведь цены на энергоносители – управляемые. Причем на глобальном уровне. Для этого, в частности, существует ОПЕК. Быстрый подъем нефтяных цен в 1973 г., отразивший договоренность, достигнутую между США и нефтеносыми монархиями Персидского залива, привел к «войне Судного дня» на Ближнем Востоке, поспособствовав укреплению позиций Израиля и США. Такое же быстрое их падение в середине 80-х годов открыло дорогу

горбачевской «перестройке», а во второй половине 90-х годов привело к дефолту экономику уже Российской Федерации. Конечно, такое не представлялось возможным, пока как наша страна не подсела на «иглу» нефтедолларов.

В условиях рынка обрушение экономики любого государства можно осуществить и без обвала нефтяных цен, а только за счет спекуляций с ее валютой. Разумеется, если эта страна не замкнута на внутренний рынок и является членом Базельского клуба, в который Россия вступила 10 февраля 1996 г. – через неделю после создания под выборы Ельцина пресловутой «семибанкирщины».

Во-вторых, внедрение «радикально иной системы налогообложения» предназначено и для расширения источников прибыли, в которые включается торговля различного рода квотами.

«Разрешения с правом продажи используются в США вместо налогов как средство контроля над загрязнением окружающей среды. Правительство устанавливает контрольные показатели уровня загрязнения и выпускает разрешения, которые компании должны приобрести пропорционально своим объемам выбросов вредных веществ. Компании могут торговаться такими разрешениями между собой без централизованного вмешательства»².

Итак, учрежденная Киотским протоколом «торговля квотами», по поводу которой так возбудились все ключевые глобальные банки, – лишь первая проба сил, и торговле воздухом (то есть, производству денег из ничего), подобно торговле индульгенциями, процветавшей в Средние века с благословения Святого престола, предстоит существенно расшириться.

Наконец, в-третьих, «глобальная рыночная экономика, в которой производство размещается там, где ... требуются наименьшие затраты и куда сво-

бодно перетекает капитал (но не рабочая сила), чтобы обеспечить максимальную прибыль², играет важную роль в становлении космополитического «нового мирового порядка». Смысл ее, в соответствии с разработанной Ж.Аттали концепцией «нового кочевничества», приучить рабочую силу послушно перетекать вслед за капиталом без привязки к национальным, государственным или цивилизационным «условностям» и «атавизмам»³⁵.

Куда пойдут глобальные налоги и за что, по мнению авторов «НГС», их надлежит начислять?

«Взимание платы за пользование глобальным общим достоянием импонирует широким международным кругам по соображениям (sic!) экономической эффективности и защиты окружающей среды, а также по политическим и финансовым причинам. Подобная плата будет поощрять эффективное использование природных ресурсов и усилия по их сохранению, а также (sic!) станет источником финансирования институтов глобального управления, требуемых для установления контроля над глобальным общим достоянием и содержания его в надлежащем порядке»² (курс. – Авт.).

Следовательно, деньги из глобальных налогов пойдут на дальнейшее расширение «глобального общего достояния» до тех пор, пока оно не соппадет с «мировыми ресурсами». (Эта взаимосвязь нами уже установлена).

Обратим внимание и на муссирование политического аспекта глобального налогообложения. Налоговая система, как и армия, – атрибут суверенитета. Глобальная налоговая система – атрибут глобальной государственности.

«Можно принять ряд широких принципов для разработки схем глобального финансирования.

Во-первых, было бы уместно взимать плату за пользование некоторыми общими глобальными ресурсами, исходя из непос-

редственно экономических соображений и применяя рыночные инструменты.

Во-вторых, было бы справедливо, если бы все бремя финансирования не ложилось только на плечи небольшого числа индустриальных государств, а распределялось бы шире и прогрессивно пропорционально.

В-третьих, было бы полезно, чтобы новые фискальные системы не подменяли собой внутренние налоги и сборы, но (sic!) находили дополнительные источники финансирования.

...Мы намеренно не предлагаем наделять властью налогообложения какой бы то ни было орган в системе ООН. Плата за пользование, налоги, сборы – ...должны быть согласованы и одобрены в глобальном масштабе и закреплены в договорах или конвенциях. Связанные же с ними предложения могли бы быть выдвинуты в рамках системы ООН ...и обсуждены и одобрены Генеральной Ассамблей до их оформления каким-либо международным соглашением, подлежащим принятию и ратификации.

...Мы считаем целесообразным изучить несколько возможных видов взимания оплаты с пользователей:

- надбавка к стоимости авиабилетов... – с каждого международного рейса;
- плата за пользование морским транспортом..., а также особая оплата за сброс отходов в морские воды...;
- плата за рыболовный промысел в открытом море...;
- специальная плата за осуществление деятельности в Антарктике...;
- плата (или поступления от аукционов) за место расположения геостаций – плата за право пользования спектром электромагнитных волн² (курс. – Авт.).

Из приведенного фрагмента видно, что глобальное налогообложение имеет как экономическую, так и политическую мотивацию, что его предполагается сделать международно-правовой нормой, обязательной к включению в национальные законодательства. Что «радикально иная» система налогооб-

ложении облагает субъекты хозяйственной деятельности дополнительными обязательствами, а сама она склонна к неограниченному расширению сфер своего контроля и затрагивает не только экономические и политические, но и военные интересы России. Следовательно, лишать нашу страну экономики и обороны будут исключительно на основе «национальной целесообразности» ввиду неспособности выиграть у глобальных олигархов аукционы на лакомые куски собственного же достояния, внезапно превратившегося в «глобальное» и «общее».

Актуальность проблемы финансирования глобального управления подтверждена итоговыми документами двух крупных международных конференций, проведенных в 2002 и 2008 гг. в Мексике и Катаре под эгидой ООН, – «Монтерейским консенсусом» и «Дохийской декларацией». Не оказался в стороне и вопрос о глобальных налогах, хотя введение его явно не форсируется.

Тем не менее поступательное продвижение очевидно, о чём свидетельствует сопоставление следующих выдержек из этих документов (соответственно):

– «...Мы признаем необходимость обеспечения бюджетной устойчивости наряду со справедливыми эффективными системами налогообложения и управлением, а также повышением эффективности государственных расходов...»²²;

– «...Каждая страна сама отвечает за свою налоговую систему, вместе с тем важно поддерживать национальные усилия в этих областях путем наращивания технической помощи и расширения международного сотрудничества и участия в решении международных налоговых вопросов, в том числе в сфере двойного налогообложения. В этой связи мы признаем необходимость дальнейшего поощрения международного сотрудничества в налоговых вопросах и просим ЭКОСОС рассмотреть возможность укрепления институциональных механизмов...»³⁶ (курс. – Авт.).

Ясно? Двойное налогообложение – это именно то, что и предлагается в «НГС». И приведенная цитата – из документа не 90-х, а конца 2000-х годов!

Нам, конечно же, начнут рассказывать сказки, что имеется в виду не установить, а устраниТЬ двойное налогообложение, возникшее по вине государств из-за наличия у них границ и т.п. Но мы-то знаем, где, по крылатому выражению Горбачева, «собака порылась»!

Несмотря на то, что апология рынка и глобальные налоги в том виде, в каком эти проблемы представлены в «НГС», освещены достаточно подробно, все-таки считаем необходимым краткое резюме.

Прежде всего, подчеркнем, что противопоставление рынка «командно-административной» системе советского образца носит не экономический, а политический, точнее, проектный характер и отражает точку зрения авторов доклада и его заказчиков на глобальную перспективу как унифицированную по цивилизационным стандартам западного глобального проекта. Демократия и рынок, являясь инструментами глобального политического и экономического управления, обеспечивают реализацию западного глобального проекта – строительство «нового мирового порядка».

Факторами, превращающими рынок в идеологему «нового мирового порядка», также служат расширение перечня субъектов международных отношений за счет ТНК, НПО и других элементов «глобального гражданского общества». Глобализация экономики, осуществляемая с помощью международных финансовых институтов, действующих на глобальном и региональном уровнях, также тесно связана с рынком.

Следующее, что требует внимания, – это предлагаемая глобальная

налоговая система, о которой пусть тихо и осторожно, но начинают поговаривать в официальных структурах ООН – на примере приведенных нами документов по финансированию развития. У проблемы глобальных налогов несколько аспектов. Прежде всего, это универсальный инструмент якобы «естественного», осуществляемого без политического или силового принуждения «выкручивания рук» любому государству под предлогом загрязнения им окружающей среды как «глобального общего достояния» или проигрыша аукциона на соответствующие квоты потребления ресурсов. С помощью этих мер, в свою очередь, можно оказать воздействие, а при необходимости даже подорвать экономику такого несговорчивого государства. Что это как не контроль над внутренней политикой, при котором государства фактически лишаются значительной части суверенитета?

P.S. Поскольку нерассмотренными в этой части статьи остались сугубо политические вопросы – как включенные в «НГС» (например, проект реформы ООН), так и институциональные, касающиеся практической деятельности структур глобального управления – от ООН до Социнтерна, общие выводы переносятся в заключительную часть статьи.

Кроме того, план введения глобальных налогов представляет интерес для бизнеса, в первую очередь глобальных банков, в части, касающейся торговли квотами на потребление природных ресурсов.

С помощью глобальных налогов также решается проблема поэтапного расширения сфер «глобального общего достояния». Конечной целью можно считать включение в него всех мировых ресурсов.

Собственно экономический аспект глобальных налогов тесно связан с разоружением. От него логика этой проблематики ведет к деиндустриализации, от которой, в свою очередь, сильнее всего страдают тяжелая индустрия и технологии, особенно работающие на нужды оборонно-промышленного комплекса.

Очевидно, что наибольший урон от подобной политики в каждом из перечисленных аспектов понесли субъекты бывшего СССР, прежде всего Россия.

Примечания

¹ Павленко В. Миры «устойчивого развития» // Обозреватель – Observer. 2010. № 10. С. 5–27.

² Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 5, 26, 46, 55, 338, 20, 294, 41, 146, 265, 266, 33–34, 61, 74, 89–90, 312, 314, 27, 83, 214, 32, 83–84, 86–87, 19, 22, 161–162, 7, 8, 18, 159, 28, 237, 264, 241, 263–265, 267–270, 61–63, 69, 70–71, 342–343, 22–23, 43, 45, 46, 48, 52, 54, 220–221, 223, 226, 228, 229, 261, 154, 222, 168, 169, 282, 167, 160, 90, 96, 134–135, 150, 39–40, 182, 223–225, 172, 232.

³ Лебедева И. Уловка-21 или Горбачев и десять заповедей // <http://old.fondsk.ru/article.php?id=2112&search>.

⁴ Павленко В. Миры «устойчивого развития» // Обозреватель – Observer. 2010. № 9. С. 13–43.

⁵ Четверикова О. Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекрошки карты Европы // <http://fondsk.ru/article.php?id=1143>.

⁶ Малинецкий Г.Г. Сложность, нестабильность и судьба России // http://www.intelros.ru/2007/01/24/georgijj_malineckijj_slozhnost_nestabilnost_i_sudba_rossii_doklad_predstavlenyyjj_na_zasedanii_kluba_krasnaja_ploshhad_31_maja_2006_g.html.

⁷ Цит. по: Семенко В.П. Перед лицом «управляемого хаоса» // http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n5_05/obsh505/krugst505/semenko505.

- ⁸ Теория международных отношений / Цыганков П.А. – ред. М., 2006. С. 178–183.
- ⁹ Архив полковника Хауса / Уткин А.И. – ред. В 2-х томах. М., 2004. Т. 2. С. 44–45; Т. 1. С. 211.
- ¹⁰ Уэллс Г. Яд, именуемый историей // Собр. соч. в 15-ти томах. М., 1964. Т. 15. С. 407.
- ¹¹ <http://www.earthcharter.ru/zchart.htm>.
- ¹² <http://www.earthcharter.ru/zorg.htm>.
- ¹³ Цит. по: Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса (канд. дисс.) // М., 2005. С. 90.
- ¹⁴ Печчен А. Человеческие качества // М., 1980. С. 262; Ласло Э. Цели для человечества. Доклад Римскому клубу // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Гвишиани Д.М. – сост. «Революция сознания». М., 1997. С. 247; Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад (Отчет) Римского клуба // Там же. С. 228.
- ¹⁵ Документ ООН A/RES/55/2. С. 2; п. 30. С. 7–8;пп. 130, 133, 135.
- ¹⁶ http://www.un.org/russian/documen/declarat/decl_wssd.html, п. 2. С. 1.
- ¹⁷ Документ ООН A/65/L.1, п. 37. С. 10.
- ¹⁸ Хазин М.Л. Теория кризиса. Доклад на конференции в г. Модене, Италия, 9 июля 2008 г. // http://www.zlev.ru/163/163_32.htm.
- ¹⁹ Документ ООН A/54/2000. С. 31–32, 11; п. 261. С. 50; 53–55, 33, 41.
- ²⁰ Документ ООН A/RES/63/239, п. 26. С. 7; п. 31, 36, 38. С. 9–10.
- ²¹ Гизе А. Вольные каменщики. М., 2006. С. 49.
- ²² Документ ООН A/CONF.198/11, п. 26, 27. С. 9; п. S. С. 5.
- ²³ Документ ООН A/RES/63/239, п. 3. С. 1; Документ ООН A/65/L.1, п. 20. С. 5.
- ²⁴ Документ ООН A/RES/S-19/2. С. 20, 26; С. 22, 34.
- ²⁵ Форум тысячелетия. Записка Секретариата // Документ ООН A/54/959. С. 1.
- ²⁶ Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития. Доклад Генерального секретаря ООН (6 мая 1994 г.). П. 118.
- ²⁷ Документ ООН A/RES/60/1. С. 1–2; п. 22. С. 4–5.
- ²⁸ Документ ООН A/47/277, п. 81. С. 24.
- ²⁹ Документ ООН A/247/77, п. 55. С. 17.
- ³⁰ Коммерсант. 2010. 30 августа.
- ³¹ Программа действий по дальнейшему осуществлению «Повестки дня на XXI век». Резолюция XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июня 1997 г. // Документ ООН A/RES/S-19/2. п. 123.
- ³⁴ Развитие и международное экономическое сотрудничество. Повестка дня для развития // Документ ООН A/48/935, п. 118. С. 23.
- ³⁵ Аттали Ж. Понятие «нация» станет отзывом былых реалий // Россия в глобальной политике, 2007. № 2. Март-апрель
- ³⁶ Документ ООН A/RES/63/239, п. 16. С. 4.